

«БРАЗИЛЬСКИЙ КОНСУЛ»

(Жизнь и удивительные похождения
авантюриста-provокатора Альберта Пирро)

Составление, подготовка текстов, предисловие
Бориса Беленкина

Москва, 2005

Предисловие

30 января 1926 года рижская газета «Слово» приступила к публикации текста под громким названием: **«Я раскаиваюсь и проклинаяю. Записки бывшего комиссара А. Пирро»**. В анонсе о предстоящей публикации сообщалось следующее:

«А.Пирро – журналист по профессии, занимал в Сов. России ответственные посты, <...> был делегирован от советского правительства в Китай, Японию, Индию, Египет и Палестину; встречал и знает тайны всех главарей советской власти и все сокровенные пружины советовластиа в России<...>».

Записки «бывшего комиссара» – абсолютно скандальны. Большевики разоблачались по всем фронтам. Читатель «Слова» узнал леденящие душу подробности: о кощунственном вскрытии и разграблении царских гробниц, тайном музее ГПУ (в котором выставлены залитый кровью жилет Николая II, мундир Колчака, заспиртованное сердце Урицкого), о купании Зиновьевым шлях в шампанском в голодном Петрограде, о присваивании конфискованных ценностей пролетарским писателем Максимом Горьким...

Скандал разгорелся. Но к содержанию мемуаров прямого отношения не имел. Все внимание переключилось с текста на его автора. В нем читатели эмигрантской газеты узнали «бразильского консула», печально прославившегося в 1919 году в Киеве.

Дело было сколь шумное и вздорное, столь же кровавое и темное. Уже другая рижская газета – «Сегодня» в нескольких публикациях изложила суть этого «дела».

Летом 1919 года, когда началось наступление Деникина, террор советской власти на Украине приобретает все более массовый характер. В этих условиях становится известно, что в Киев приехал консул Бразилии граф Пирро. Через несколько дней Пирро явился на банкет, устраиваемый в его честь другими иностранными представительствами. А еще через несколько дней на улицах Киева были расклеены объявления о том, что все бразильские подданные должны регистрироваться у него в консульстве. Объявления эти, подписанные консулом Пирро, имели еще и вторую, пожалуй, более авторитетную подпись Лациса (в то время – председатель ВУЧК). Затем появился приказ Лациса о том, что на всех бразильских подданных и тех лиц, которые в качестве таковых регистрируются у графа Пирро, не распространяется действие большевистских декретов, они не подлежат обыскам и арестам, имущество их не подлежит конфискации и

реквизиции и т. д. Словом, Лацис опубликовал очень обширную и весьма соблазнительную «хартию вольностей» для «бразильских подданных», зарегистрировавшихся у графа Пирро...

Произошло то, что и следовало ожидать: в бразильское консульство обратилось много людей, считавших себя в опасности и желающих получить бразильское гражданство. Граф Пирро всех принимал с распростертыми объятиями. А вскоре все, обратившиеся в бразильское консульство, были арестованы и, по большей части, расстреляны.

История эта наделала много шума. Большевики поспешили «закрыть лавочку». В газете появились сообщения о контрреволюционной организации, выдававшей себя за бразильское консульство. Во главе стоял некто, называвший себя графом Пирро и расстрелянный будто бы в первую очередь. Из неофициальных источников наиболее распространенными было две версии. Как вспоминала очевидица киевских событий: *«Одни считали его маленьким агентом Киевской чрезвычайки. Другие – их было много, думали, что это был Петерс».*

Газета «Сегодня» взялась за разоблачение Пирро основательно – опубликовала его фотографию и предложила отозваться тех, кто был свидетелем киевских походов «бразильского консула». Таковые не замедлили объявиться...

Самой заметной и убедительной стала публикация статьи «Правда о провокаторе-чекисте Пирро» Старого Киевлянина (он же М.С. Мильруд). Автор подробно рассказал об обстоятельствах появления «бразильского консула» в Киеве, а также о том, как, выполняя задания ЧК, Пирро вел свою работу в двух направлениях: с одной стороны, фабриковал «международные заговоры» и передавал в руки чекистов им самим спровоцированных «контрреволюционеров», с другой – активно участвуя в валютных спекуляциях, вылавливал биржевиков-спекулянтов... Кроме того, автор рассказал о том, как Пирро застрелил в Киеве изнасилованную им девушку-латышку... В последних главах «Правды о провокаторе-чекисте» повествуется о том, как был инсценирован расстрел Пирро, и как через полгода тот «всплыл» уже в Сибири, в Омске в роли датско-голландского консула Гофмана с теми же задачами, что и у «Бразильского консула» в Киеве. (В Омске все закончилось похожим на Киев образом: чека объявила консула Пирро-Гофмана «арестованным» и отправленным якобы в Москву)...

Разоблачительная кампания вокруг А. Пирро прекратилась столь же внезапно, как и началась...

Газетные публикации 1926 года представляют единственный источник для составления биографии человека, по-своему выдающегося. Кроме двух мемуарных публикаций: одной в «Архиве русской революции», другой

в «На чужой стороне»... добавить к ним по существу нечего. Что не удивительно. Самому Пирро биография была не нужна. В каждой из его афер она ему могла только повредить. Он – ниоткуда. Даже документы – лишнее (недаром, когда заходила речь о верительных грамотах «бразильского консула», он утверждал, что потерял их в дороге)...

Итак, что известно?

– **Альберт-Вольдемар Павлович Пирро** родился в 1893 году в Лифляндской губернии. По национальности эстонец. Политический авантюрист и жулик – аферист «широкого профиля». По его собственным утверждениям, до революции печатался в латышской газете «Ригас Авизе». Из газеты был изгнан за мошенничество: переводной английский роман выдал за собственное произведение, получил за это гонорар, но вскоре был уличен в плагиате. Затем работал в московской и петербургской печати, якобы путешествовал в Индии, Абиссинии и Аравии (что сомнительно). В конце 1917 года Пирро отметился в Иркутске. Он был в походной офицерской форме, на его груди красовались знаки отличия и ордена. Быстро втерся в местные общественные и политические круги. А затем с помощью газеты «Свободный Край» объявил о предстоящем концерте Шаляпина в Иркутске и открыл предварительную подписку на билеты. Нашлось немало доверчивых лиц, внесших Альберту Пирро довольно значительную сумму денег. Разумеется, что Шаляпин и не предполагал приезжать в Иркутск, а Пирро с собранными деньгами скрылся.

В 1920–30-е гг. жил в Латвии. В начале 1920-х гг. в Риге выдавал себя за сотрудника американской организации «АРА». Не менее семи раз подвергался аресту и тюремному заключению на разные сроки – от семи дней до полутора лет – за мошенничество и другие криминальные проступки...

Основной текст мемуаров Пирро «Я раскаиваюсь и проклинаю» был сочинен им в 1925 г. в Рижской центральной тюрьме, из которой он был освобожден незадолго до появления записок (еще до окончания их публикации Пирро снова угодил в тюрьму). Известно, что в 1936 г. Пирро в очередной раз сидел в одной из латвийских тюрем по делу о ряде мошенничеств. Дата смерти Пирро не выявлена (в списках лиц подвергшихся политическим репрессиям в 1940–41 гг. его имя отсутствует).

После Второй Мировой войны имя Пирро всплывало дважды: в мемуарах Н.Равича «Молодость века» (1960 г.) и в книге И.Я.Болгарина и Г.Л.Северского «Адъютант его превосходительства» (1967). В обоих текстах Пирро фигурирует как контрреволюционер и заговорщик. В своей книге «Государство и революции» (2001) В.Г. Шамбаров, не рассказывая ничего нового о «бразильском консуле», повторяет слухи о том, что в роли «графа Пирро»: «согласно многочисленным свидетельствам [!? – Б.Б.], вы-

ступал... сам Петерс». Единственным остроумным пассажем Шамбарова можно считать мысль о том, что «Петерс» (т.е. Пирро) «слегка предвосхитил методы Гейдриха с его знаменитым «салонам Китти».

Научных публикаций ни о самом Пирро, ни об истории «бразильского консульства» нами не выявлено. Интернет-публикации по сюжетам, связанным с Пирро, представлены многократными повторениями текстов Болгарина/Северского и Шамбарова...

Жизнь любого афериста слишком «привязана» к своей эпохе. Гибель эпохи означала, кроме всего прочего, и потерю интереса к подобным фигурам, их «неактуальность». «А был ли мальчик» – **«бразильский консул»?** – После бесследного исчезновения персонажа из газетного раздела «криминальная хроника», пропал повод вспоминать Пирро... А после десятилетий забвения уже проще было вернуть к жизни чекистскую «дезу» о якобы имевшем место всамделишном контрреволюционном заговоре «бразильца» (ср.: мемуары Равича или исторический роман Болгарина и Северина), чем вспоминать обманщика и им обманутых..

История «бразильского консула» для своей эпохи абсолютно «модельна», символична – перед нами чистый и «незамутненный» случай чекистской провокации (и именно на провокации зиждутся чекистские победные «операции» 1920-х годов!).

Что касается собственно мемуаров Пирро, то, конечно, вне контекста, в первую очередь вне контекста его бурной жизни – им, как историческому источнику, грош цена. Перед нами набор вымыслов, мифов, слухов (а если среди этого и встречаются крупинцы достоверного, то они тонут в море лжи и отделять их нет смысла), в лучшем случае газетных фельетонов. Пирро классический враль. Но в отличие от классических лгунов – литературных и исторических персонажей, таких как Мюнхгаузен, Калиостро, Казанова, Чичиков, Хлестаков, Остап Бендер... какой-то он ну совсем малосимпатичный, какой-то совсем гнусный, наконец жалкий... Всё это вместе взятое заставляет нас отказаться от научной публикации малоизвестного текста. Опровергать в примечаниях изложенные автором факты – совершенно неуместный сизифов труд. Мы всего лишь представляем читателю пример того, как можно конструировать «параллельную реальность». А вместо комментариев – публикуем тексты современников «Бразильского консула», очевидцев его реальных походов.

Во всех публикуемых текстах сохранены орфографические и стилистические особенности.

Я раскаиваюсь и проклинаю!

Записки бывшего комиссара А. Пирро¹

Вместо введения

Закрылись ворота Рижской центральной тюрьмы. Кошмар одиночной камеры остался где-то позади, и снова над моей головой голубое латвийское небо, столь родное, столь дорогое...

Кошмар бессонных ночей, диких снов, тоски, страшной, непередаваемой тоски... Все это позади – там, за стенами оставленной обители, моей тринадцатой камеры...

Но все ли?

О, нет, тысячу раз нет! Не все свобода в силах рассеять; самое главное все-таки осталось, и прошлое властным голосом на каждом шагу напоминает: «Не забудь, с кем ты работал, кем ты был, за что и против кого боролся и, наконец, где и каков результат твоих трудов».

Да, за что и против кого боролся?

За торжество мировой революции?

За новый обновленный строй человечества?

За равноправие, счастье, свободу?

Врагами же моими были сотни, тысячи, миллионы тех, кто не сочувствовал коммунизму, активно боролся против него.

Господа, шапки долой перед этими врагами! Шапки долой перед кристально-чистыми слезами матерей, невест, сирот, седовласых старцев, полных жизни юношей, оплакивающих судьбу своих близких, осмелившихся честно и открыто выступить против людей, бросивших в вонючую клоаку и свободу, и счастье, и право.

Людей, давших вместо правды – ложь и насилие, вместо свободы – сотни тысяч расстрелов, тюрьмы, концентрационные лагеря...

¹ Опубликовано в рижской газете «Слово» (1926, №№ 64–91). Публикацию предваряло следующее пояснение «от редакции»: «Приступая к опубликованию записок А. Пирро, редакция «Слова» снимает с себя всякую ответственность, как за автора их, так и за их содержание. Для редакции «Слова» эти записки имеют интерес, как замечательные человеческие документы нашей страшной эпохи».

Да простит мне Всевышний мое невольное и вольное участие в работе коммунистов; сам же я для себя полного оправдания не нахожу.

* * *

Работа целой стаи видных и ответственных советских деятелей проходила перед моими глазами. Не та работа, с которой так хорошо знаком русский народ, а подпольная, скрытая от глаз рядового обывателя.

Карахан, Чичерин, Раковский, Эйдук, Дзержинский, Стучка, Троцкий, Балабанова, бывш. председатель венгерского совета народных комиссаров Бела Кун, итальянский коммунист Бамбаччи, покойный вождь китайских революционеров Сунтьянсен и мн. др. – длинной чередой проходят перед глазами, и я свою задачу перед редакцией «Слово» сочту выполненной, если хоть отчасти сумею обрисовать истинную деятельность всех этих господ.

Единственное, за что я от души благодарю советское правительство – за данную мне возможность ознакомиться с чужими странами: Японией, Китаем, Индией, островами Малайского Архипелага, Аравией, Абиссинией, Египтом и Палестиной.

Конечный же финал моих пестрых походов – тюрьма в Латвии. Но и она дала мне что-то положительное: я узнал самого себя, наметил свою будущую дорогу, а лозунгом избрал: «Я раскаиваюсь и проклиная!».

I.

Расхищение царских драгоценностей

В последнее время оживленные газетные толки вызывает предстоящая распродажа царских ценностей в Америке. Европа не откликнулась на зов большевиков купить остатки бывшей царской собственности, и поневоле нужно искать рынок в другой части света.

Я говорю остатки, ибо то, что выставлено на продажу, есть лишь небольшая часть достояния разгромленных хранилищ дворцов Москвы и Петербурга.

Мне вспоминается несколько эпизодов, имеющих отношение к этим ценностям и проливающих некоторый свет на судьбу той большей части, которая давно уже рассеялась по белому свету или же глубоко спрятана в сундуках и сейфах нынешних и бывших советских заправил...

* * *

Это было летом 1920-го года. Находясь по делам ревельского советского представительства в Москве, я как-то утром получаю записку от заместителя наркоминдела Карахана с просьбой перед обратной поездкой в Ревель зайти к нему, предварительно предупредив его по телефону.

Прихожу в комиссариат, в то время занимавший одну половину бывш. гостиницы «Метрополь» (2-ой дом Советов), и после доклада дежурного сотрудника о моем приходе получаю ответ от Карахана «минуточку подождать».

Проходит «минуточка», другая, третья. Жду еще целый час и все еще ничего. Наконец выпускает.

Первое, что бросилось в глаза, это – разложенные на двух столах ценности: несколько золотых портсигаров с крупными бриллиантовыми вензелями Н. и А. и царскими коронами на них из таких же бриллиантов, три или четыре Андреевские звезды, также с бриллиантами, целая груда колец с чуднейшими сапфирами и рубинами и восточная шашка, вся усеянная крупными камнями, в том числе несколькими крупными бриллиантами ослепительной игры.

– Хорошо, товарищ, что вы пришли, – встречает меня Карахан. – Вам придется отвезти в Ревель т. Гуковскому (представитель СССР в Эстонии) всю эту бывш. царскую дребедень. Он уже отправит по назначению дальше.

Долго решаем вопрос – вести ли одни только камни, или же вместе со всей оправой. Останавливаемся на первом, – всей этой «дребедени» из Ревеля предстоит еще путь в Швецию, а провоз без оправы безопаснее.

Начинается ломка и «выдавливание» камней из оправы.

Беру восточную шашку.

– Это подарок Александру II от шаха персидского, – пренебрежительно предупреждает меня Карахан. – Ножны и рукоятку клинка придется отдать в Госбанк на сплав.

С трудом выламываю роскошные рубины из крепко устроенных гнездышек.

Нехотя поддаются два громадных изумруда на эфесе, и, наконец, предо мной на столе целая горсть камней, переливающихся всеми цветами радуги.

Часа через два вся работа кончена, и, при помощи секретаря Карахана – Канторовича, начинается подсчет вынутых камней и оценка веса по глазомеру.

Помнится, всех одних бриллиантов, вместе взятых, вышло что-то около 400 каратов. Из числа их некоторые экземпляры превышали 15 каратов.

По окончании подсчета и определения веса, Канторович составил на имя Гуковского сопроводительный список, камни запаковали в ящик изпод сигар, последний зашили в холст, запечатали сургучной печатью Наркоминдела, – и в таком виде я их отвез в качестве дипломатического багажа в Ревель.

Что же дальше с ними?

А вот что.

Гуковский камни передал на хранение секретарю торговой части представительства Эрлангеру, сыну известного московского фабриканта. С женой Эрлангера Гуковский имел любовную связь и, благодаря этому – первый пользовался неограниченной доверенностью представителя СССР.

Прошло некоторое время, и вдруг Эрлангер исчез, а вместе с ним – камни и громадная сумма денег, предназначенная на уплату за заказанные проф. Ломоносовым в Швеции железнодорожные материалы.

Оказалось, что он на специально нанятом пароходе удрал в Стокгольм.

В то время прямых сношений со Швецией СССР не имела, и поэтому Гуковский, по принуждению из Москвы, обратился за содействием к эстонской полиции, а последняя, в свою очередь, к шведской.

Но от Эрлангера и след простыл. После оказалось, что он в Стокгольме достал датскую визу и уехал в Копенгаген, где проживает до настоящего времени. На требование к датскому правительству выдать его московским властям был получен ответ, что Эрлангер не уголовный преступник, а политический эмигрант, взявший только возмещение за свои насильно отнятые фабрики и склады в России.

* * *

В апреле 1921-го года я как-то зашел в комендантское отделение Кремля.

В кабинете коменданта находились несколько лиц, в том числе заместитель председателя ГПУ – Ксенофонтов, председатель Центрэвака Эйдук и др. Посредине кабинета стоял средней величины денежный шкаф, около которого возились два слесаря, стараясь его взломать.

Я поинтересовался, в чем дело?

– Царские драгоценности ищем! – пояснил мне один из присутствующих.

Оказалось, что шкаф все время, с октябрьской революции, стоял в комендантской. Полагая, что он пустой, никто им не интересовался, пока, по сведениям ГПУ, не напали на след каких-то царских ценностей, будто бы в нем спрятанных.

Когда, наконец, удалось его открыть, нашим глазам представилось ослепительное зрелище: все отделения его плотно были заложены иконами в золотых оправках, буквально усыянных самоцветными камнями.

Иконы все старинного письма и, судя по некоторым надписям на оборотной стороне, принадлежали московским царям XVI и XVII столетия.

Помню, на одной из них надпись, что икона подносится купечеством города Москвы в память завоевания Сибири Ермаком Тимофеевичем.

После мне передавали, что иконами заинтересовались жены некоторых видных советских деятелей, в том числе Данишевского, и забрали часть из них в свое распоряжение.

* * *

По Машкову переулку стоит особняк, владельцем которого в свое время был известный московский фабрикант, антиквар и коллекционер Готье. Ныне в нем помещается латвийское посольство.

Особняк этот в свое время представлял целый музей, в котором покойным Готье были собраны большие коллекции старинного севрского, саксонского, венского и русского фарфора, редких миниатюр и картин, ценных книг и серебра.

Когда весной 1918 года из Москвы насильно выпроводили в Архангельск всех иностранных консулов, некоторые из них оставили на сохранение в особняке Готье часть своего имущества, в том числе несгораемые шкафы.

Зимой 1919-го года оставленное имущество забрал в свое ведение Наркоминдел. Несмотря на то, что денежные шкафы являлись собственностью иностранных дипломатических представителей, Караханом было отдано распоряжение взломать их и проверить содержимое.

В одном из шкафов нашли массу драгоценностей, принадлежавших бывш. вел. княгине Марии Павловне и, чтобы спасти от большевиков, отданных ее приближенными на хранение одному из консулов. Лично я видел найденное там чудное ожерелье из жемчугов и кулон с громадным старинным алмазом черной воды.

Все найденные ценности потребовал в свое распоряжение председ. III Интернационала Зиновьев, а дальнейшая участь их ясна.

* * *

Таких примеров можно было бы привести десятки. Но довольно и этих. С уверенностью можно сказать, что две трети бывших царских ценностей уже давно расхищены и распроданы из-под полы, а то, что ныне предлагают большевики американцам – лишь остатки былых огромных сокровищ Романовых.

II. Вскрытие гробниц Петра I и Екатерины II

Это было летом 1920 года. Находясь по делам в Петрограде, я случайно узнал, что в Петропавловской крепости предстоит интересное зрелище: особая комиссия, приехавшая из Москвы, проведет «ревизию содержания гробниц бывших Российских царей», покоящихся в стенах крепости.

В состав «ревизионной» комиссии входил мой хороший знакомый – Ферапонтов, занимавший в то время должность начальника одного из отделов Наркомпроса.

При его содействии получил соответствующее разрешение на право присутствия при осмотре гробниц и с большим волнением ждал назначенного для ревизии дня.

Поводом для осмотра послужило не желание реквизировать находящиеся в гробницах ценности, а слухи, что в гробницах спрятаны какие-то важные документы, имеющие отношение к контрреволюционному движению в Советской России. Это смешно, но факт. По-видимому, никаких «списков белогвардейцев» не нашли и гробницы снова заделали до второго «пришествия» ревизоров в 1921 году, когда в «целях пополнения фонда государственных ценностей» было произведено формальное ограбление бранных останков бывших царей ...

По рассказу Ферапонтова, инициатором «ревизии» был знаменитый Петерс, в то время занимавший пост петроградского коменданта и являвшийся фактическим руководителем тамошней «чеки».

Агенты последней и донесли Петерсу, что в гробницах хранятся важные документы, а поэтому нужно сделать соответствующую проверку. В виду того, что места последнего пребывания тел бывших властелинов России находились под непосредственным ведением Наркомпроса, было сделано надлежащее заявление Луначарскому, с просьбой разрешить осмотреть гробницы. Последний, не доверяя чистоте рук чекистов, разрешение на «ревизию» дал, но с тем, что произведет ее им же назначенная особая комиссия при условии присутствия представителей ПЧК.

Сколько помнится, председателем комиссии состоял некий Лопатин, б. правый с.-р., перешедший к коммунистам и занимавший место при Московской историко-археологической комиссии.

* * *

Обстоятельства заставили меня опоздать, и я приехал в Петропавловскую крепость уже в то время, когда работы по вскрытию начались.

Около ворот крепости толпилась нарядная куча любопытных, узнавших о готовящемся событии. Их дальше не пускали и, несмотря на какие-то секретные переговоры с начальником красноармейского караула, безжалостно отгоняли прочь. Из толпы слышались иронические возгласы:

- Боятся, чтоб мы не отняли бы у них наживу!
- Мало живых обирали, теперь принялись за мертвецов!
- Смотрите, ребята, Екатерина всех разнесет в пух и прах ...

Не быв до сего времени ни разу в крепости, попросил начальника караула дать мне в проводники к месту усыпальниц царей одного красноармейца.

Через две-три минуты я стоял уже в группе лиц, оживленно что-то обсуждающих.

В помещении царствовал полумрак, и только при внимательном осмотре глаза начали привыкать к окружающим предметам и людям.

Все освещение состояло из нескольких свечей в подсвечниках, т.к. электричество из-за порчи проводов не горело.

Тускло по углам и стенам блестели ризы икон, очищенные давно уже от покрывавших их драгоценных камней, взятых будто бы по приказу Зиновьева для нужд Коминтерна. Из середины толпы неслись удары молотком по чему-то твердому, металлическому.

От сотрясения воздуха повешенные под потолком лампы тихо качались, и громко отзывалось эхо ударов в стенах, выдавших живыми и хранящих ныне мертвыми целое длинное поколение русских императоров и императриц.

Какой-то нервной жутью повеяло на меня.

Казалось, что где-то из темного угла смотрят на меня большие блестящие глаза, и несется хриплый шепот помертвевших губ Павла I: «Уйдите, уйдите, нечестивцы! Не вам тревожить наш сон! Дайте спать убитым и умершим!...» Среди окружающих заметил Ферапонтова. Подхожу и спрашиваю, как идет работа.

– Вот сейчас увидите Екатерину! – кивает он головой по направлению середины группы, откуда несутся удары молотком.

На полу расположено что-то громоздкое, металлическое.

Это саркофаг, хранящий останки величайшей женщины своего века. Четыре или пять человек в рабочих блузах сосредоточенно возятся около него. Сверлят, выбивают молотком винты, которыми закреплены края обеих половинок саркофага, и паяльным аппаратом расплавляют оловянную заливку.

Рабочими командует небольшого роста человек, с бритым нервным лицом, напоминающим парижского сутенера, отравленного ядом кокаина и морфия.

Это сам Петерс.

Человек, на совести которого лежат десятки тысяч расстрелянных и убитых душ.

Так же, как привык он обращаться с живыми трупами, обращается он и с мертвыми. Без жалости, без малейшего уважения, без стыда.

– Не жалейте, товарищи, огня и ударов! Она так спряталась в своей скорлупе, что хоть динамитом взрывай!

Но рабочие, более совестливые, действуют спокойно и основательно, стараясь не попортить наружного вида саркофага.

Проходит час или больше, но крышка все не освобождается от нижней половины.

Петерс волнуется, суетится и пускает поток таких слов, какими мог бы гордиться сам Троцкий, заслуживший славу лучшего советского «поносителя».

Вглядываюсь в лица других присутствующих.

Среди них вижу несколько женских. Что их привело сюда?

Обязанность или любопытство?

Разгадку скоро нахожу. Это знаменитая Балабанова со своим женским штабом. Член Коминтерна и сотрудница Петерса и Дзержинского по «искоренению контрреволюции». Приехала полюбоваться на «списки белых», хранимых Екатериной II.

– Товарищ, – обращается к Петерсу один из членов комиссии, пожилой профессорского типа человек, – не бросить ли нам всю эту бесполезную работу? Ведь видно же, что саркофаг никем не тронут и пребывает в таком же виде, как сто лет тому назад!

– Ну, этого мы еще не знаем! Буржуазная сволочь хорошо умеет прятать следы своей работы! – поясняет Петерс.

И работа продолжается.

Но чувствуется, что главной основой вскрытия гробниц служат не белогвардейские документы, а другое – или праздное любопытство Петерса с присланными, или желание поживиться насчет ценностей, будто бы хранящихся при покойниках.

Наконец, верхняя часть саркофага снята, и нашим глазам представляется деревянный гроб желтого цвета с массивными серебряными украшениями по бокам и на верхней части крышки.

Украшения изображают сплетенные между собой пальмовые и лавровые ветви с ангелочками по краям. Все это укреплено на отдельные серебряные тонкие дощечки чудной филиграновой работы.

На верхней доске крышки круцификс из слоновой кости.

Тут же небольшой сверток из пергамента, перевязанный поблекшей синей шелковой ленточкой, закрепленной большой восковой печатью.

Члены комиссии составляют акт вскрытия саркофага.

Петерс собирается распечатать пергамент, но этому противится председатель комиссии.

Начинается небольшой спор, кончающийся, к обоюдному удовольствию, компромиссным соглашением устроить снятие печатей с документа в присутствии Луначарского, любителя таких вещей, на днях приезжающего в Петроград.

На лицах окружающих зрителей, не причастных к делу, разочарование и досада: интересно было бы посмотреть, что написано на пергаменте.

Рабочие между тем приступают к снятию деревянной крышки. Через десять минут все шурупы и винты вынуты.

Еще момент, и перед нашими глазами внутренность гроба.

В публике и среди членов комиссии волнение.

И как не волноваться: перед нами Екатерина Великая!

Правда, не живая и не сохранившая своего телесного облика, но глазам рисуется не полуистлевшая ее погребальная одежда, не голые кости и пустые глазные впадины черепа, а она сама, такой, как ее изображали современники ...

– Боже мой! – мелькает мысль, – неужели передо мной женщина, одно упоминание имени которой когда-то могло вносить в сердца окружающих ее людей или тревогу, или сладкую надежду. Женщина, перед которой преклонялись лучшие тогдашние люди Европы и трепетали чужестранные властители. Женщина, умевшая и любить, и царствовать, карать и миловать...

– Товарищи, прошу отойти в сторону! – приводят меня в действительность слова председателя комиссии.

Но товарищи не слушаются и продолжают наседать на гроб.

Вместе с ними и я.

Чувствуется запах не то плесени, не то могилы.

Тело императрицы когда-то было покрыто сверху толстой золотистой парчой, но время материю съело и при первом прикосновении одного из членов комиссии она распадается в порошок ...

Посмертная одежда, судя по сохранившимся остаткам, голубого цвета и сделана также из парчи, только более тонкой, чем верхнее покрывало. Тело, по-видимому, было набальзамировано, но плохо. Сколько видно, сохранилась одна только кожа, желтовато-бурого цвета, и то не везде, а лишь на черепе, полости лица и руках.

Петерс в ревностном исполнении служебных обязанностей, несмотря на запрещение председателя комиссии, хотел посмотреть, что лежит под колпаком и для этого довольно бесцеремонно запустил деревянную палочку под грудную часть останков императрицы. Истлевшая одежда поддалась, и через прореху блеснули голые ребра. Волосы на голове сохранились великолепно и хотя отпали от черепа, но лежат в таком же виде, в каком были прибранны и спрятаны под парик, находящийся там же и из белого превратившийся в грязно-зелено-желтоватый.

Руки сложены на груди. На пальцах кожа сохранилась, но, как уже сказано, желтовато-бурого цвета.

На двух или трех пальцах кольца с крупными бриллиантами.

Ноги обуты в сравнительно хорошо сохранившиеся белые туфли с маленькими золотыми пряжками. Чулки розового цвета, но окончательно разъедены временем.

Через грудь – голубая орденская лента. Тут же орден, весь усеянный камнями, бриллиантовый шифр Екатерины II и золотой крестик с сапфирами и рубинами.

В парике поблескивает небольшая диадема из жемчугов и бриллиантов.

Сверху покрывала уложена небольшая икона с изображением Спасителя.

Всюду по бокам гроба и среди образовавшихся пустот лежат кучи задохших червей, при малейшем прикосновении превращающихся в пыль ...

– Вот, тов. Петерс, как видите, нет ничего компрометирующего! – смеясь говорит один из членов комиссии.

– Видно, Екатерина не успела еще записаться в ряды противников Советской власти!

– А мы ее сейчас запишем и на основании этого конфискуем вот эти безделушки! – иронизирует Петерс, собираясь действительно снять бриллиантовую звезду с груди императрицы.

Члены комиссии этого не допускают, и, чтобы вопрос о «конфискации» драгоценностей выяснить, Петерс с председателем уходит звонить кому-то по телефону.

Через десять минут возвращаются.

Миссия к телефону кончилась не в пользу Петерса, ибо председатель по составлении акта о содержании гроба дает распоряжение последний снова заделать и вложить по-прежнему в саркофаг.

Кидаю последний взгляд на останки великой правительницы.

И снова полный укоризны взгляд чьих-то широко-открытых глаз.

Павел или Александр I, но глаза ясно говорят:

– Не трогайте покоя усопших! Посягнувших на то постигнет кара, страшная кара!

И это будет.

Через несколько дней той же комиссией была открыта гробница Петра I.

Я уже в то время находился в Москве и только после узнал некоторые подробности осмотра последней опочивальни великого преобразователя России.

Передал мне их Феропонтов. Останки Петра сохранились гораздо лучше, чем Екатерины. По-видимому, тело было искуснее набальзамировано. Лицо сохранило некоторые характерные черты почившего императора.

Сохранились волосы и усы. Пропитанная неизвестным составом кожа желтовато-серого цвета нигде на теле не сошла.

Петр был одет в темно-зеленый мундир преображенцев с пуговицами из черных алмазов. На ногах башмаки из мягкой черной кожи. Через грудь, как и у Екатерины, голубая широкая орденская лента и ремень с зо-

лотой массивной пряжкой. На одном из пальцев – кольцо с крупным рубином.

На груди около шеи лежал маленький простой золотой крестик и иконка, вырезанная из слоновой кости.

Наиболее интересная вещь, какую нашли в гробу – это портрет Петра I, писанный на холсту работы неизвестного художника. На нем покойный император изображен работающим на корабельной верфи.

Ввиду того, что и в этом гробу никаких спрятанных документов не нашли, комиссией был сделан соответствующий доклад Луначарскому, и последний, несмотря на протесты Петерса с компанией, воспретил дальнейшие работы по «ревизии» гробниц.

Как уже известно, они снова возобновились в 1921 году, но тогда советские власти уже открыто заявил, что цель «ревизии» – выемка находящихся в гробницах ценностей, необходимых для торговых оборотов республики...

Некоторые из вторичных ревизоров польстились на «безделушки», найденные в гробах и попали сами под ревизию, окончившуюся весьма печально – расстрелом виновных.

III.

Как коммунисты фабриковали вел. кн. Михаила Романова

Летом 1920-г. в некоторых органах западно-европейской прессы появились сведения, что в Сибири тайно проживают чудом спасшиеся от смерти несколько человек б. дома Романовых.

Называли даже имена: великая княгиня Ольга Николаевна и вел. кн. Михаил Александрович. Эти слухи подтвердили американские газеты, в том числе «Нью-Йорк Геральд» и начали их усиленно муссировать.

Но, в конце концов, поговорили, поговорили и замолкли.

На самом же деле появление в Сибири указанных лиц б. царствующего дома действительно имело место. Только не настоящий подлинной, б. великой княгини Ольги Николаевны и великого князя Михаила Александровича, а ... *советской фабрикации.*

Сибирь в глазах большевиков и московских заправил всегда представляла больное место. Ленин великолепно понимал, что нельзя мерить сибирского крестьянина тем мерилom, какое применяется к крестьянину европейской России.

Ибо разница между первым и вторым – громадная.

Насколько сибиряк самостоятелен, в смысле воззрений на политические, экономические и личные вопросы, настолько же его европейский собрат слаб.

Большевистские декреты, проводимые по эту сторону Урала беспрепятственно, в Сибирь попадают в совершенно измененном виде: в них чувствуется некоторая мягкость и подобострастность.

А вдруг эта сибирская «серая скотинка» рассердится и прогонит нас отсюда! Ведь случилось же это при Колчаке и кто может гарантировать, что не повторится завтра... Поэтому уж лучше добром.

Особенно сильно у сибиряка развито чувство государственности.

Государственности не в стиле Троцкого и Ленина, а особой, чисто сибирского происхождения: властвовать властуй, но не тронь меня, мою землю и имущество. Тронешь – не забудешь! Но так как большевики не могут не тронуть, то поневоле приходится прибегнуть к заговариванию зубов, поглаживанию по голове.

Словом, к некоторой дипломатии.

Эта дипломатия по отношению к сибирскому крестьянству начала применяться с первых дней падения правительства Колчака и перехода власти к большевикам. И с первых же дней советским заправилам приходилось сталкиваться с недоумевающим, но настойчивым вопросом сибиряка:

– Мы вас признаем и принимаем, ибо и при Колчаке нам дышалось не легко, но ответьте нам – почему вы расстреляли царскую семью, почему убили ни в чем не повинных великих княжон, маленького Алексея? Свергли царизм, – хорошо, но почему, почему нужно было их убивать?

Вот, тут-то и отвечай! А ответ требовался.

Сначала пробовали оправдывать расстрелы государственными соображениями: тут, мол, угрожала от членов дома Романовых опасность водворения в России снова самодержавия, а видя, что этим сибиряка не задобишь, объявили, что другого выхода не было, так как в случае оставления царского семейства в живых, к ним, то есть царю с приближенными, пришли бы на помощь союзники и, пользуясь слабостью России, забрали бы всю ее в свои руки. А передать Россию в руки чужестранцев – немыслимо.

Но и это не помогло. Сибиряки, в ответ членам комячеек и комиссарам, рассказывающим им эту «непреложную истину», задавали вопрос:

– Скрывали же при царском режиме политических преступников в такие потаенные места, что люди просто исчезали на время с лица земли, – почему же вы не могли то же самое сделать с Романовыми?

И вот – этот-то незамысловатый вопрос породил в головах некоторых видных советских работников «гениальную» мысль: коммунисты доказали, что нет вопроса, который они не могли бы разрешить, – так этот уж во всяком случае тоже разрешим! Нет в живых царского семейства, – ладно, – для успокоения сибиряков мы сфабрикуем новое, мнимое, советское. Пустим слухи, что б. царь с семейством вовсе не убиты, а действительно где-то скрыты и пребывают в самом лучшем здравии. Правда, всецело в нашей власти.

Мы над жизнью их господ. Начнет народ слишком открыто и настойчиво выражать к ним свои симпатии, ну, тогда на самом деле расстреляем. А пока тишь да гладь – пускай себе живут!

Решено – сделано. Не только пустили слухи, но и «живых» лиц б. царствующего дома.

Сфабриковали б. великую княгиню Ольгу Николаевну и великого князя Михаила Александровича.

Об этом-то и хочу рассказать.

Председателем Сибирского Революционного Комитета, после занятия Сибири большевиками, назначен был некто Смирнов. Человек не глупый, с некоторыми организаторскими способностями, но легко поддающийся влиянию других.

Последним-то обстоятельством пользовались многие из числа других сибирских советских заправил и ворочали Смирновым по своему усмотрению.

Особенно выдающуюся роль в этом отношении играл особоуполномоченный ВЧК и Особого Отдела в Сибири – Павлуновский, бывший начальником Особого Отдела Реввоенсовета Республики, отставленный Троцким от этой должности за «слишком» рьяные расстрелы и в то же самое время – неумение уничтожить контрреволюцию в среде Красной армии.

Этот же Павлуновский председательствовал в трибунале, разбиравшем дело Колчака и его министров, и только под его давлением Колчак был осужден на расстрел. Под его руководством находились все губернские чрезвычайные комиссии, в том числе и Омская, в начале 1920-го года называвшаяся Сибирской, а после переименованная в губернскую.

Во главе последней стоял Уралов, бывший член коллегии ВЧК. Кокаинист, садист и пьяница. По слухам, собственноручно расстреливавший исключительно женщин (расстрелы мужчин оставлял другим) и скотски издевавшийся над полустыгшими телами последних...

Вот в голове этих-то двух господ и возникла идея пустить неофициально посредством партийных работников слухи среди крестьянского населения о том, что царь с семейством живы, вовсе не расстреляны, а только спрятаны в надежном месте.

Прежде чем задуманное выполнить, устроили совещание ответственных партийных работников.

Совещание это происходило в средних числах апреля 1920-го года, и на нем присутствовали, кроме обоих инициаторов предприятия, Смирнов, секретарь Сибревкома Орлов и др. После доклада Павлуновского о том, что ропот и недовольство большевиками среди крестьянства усиливается и помимо всех других причин, в этом не малую роль играет факт расстрела членов дома Романовых, он высказал участникам заседания свою мысль, что расстрелами

делу не помочь, т.к. деревня – не город, а нужно прибегнуть к другим мерам успокоения населения и привлечения его на сторону советской власти. Изложив проект распространения слухов о целостности царского семейства, Павлуновский просил присутствующих об этом заявить свои мнения.

Первым возражал Смирнов, протестуя против такого плана задабривания сибиряков. По его мнению, этим дело только ухудшится, ибо сибирский крестьянин, узнав, что царь с семейством живы и полагая, что последний может когда-нибудь снова возвратиться к власти, начнет оказывать советской власти еще больше сопротивления.

К мнению Смирнова присоединился Жук, командированный ЦК коммунистической партии для руководства партийной работой и наблюдения за организацией комячеек в деревне. Их боязнь опровергнул Уралов, говоря, что раз недовольство большевиками существует и все усиливается, то бояться вспышек по поводу распространения проектируемых слухов нечего, т.к. в конце концов все равно придется прибегнуть к помощи усиленных карательных отрядов. Наоборот, интенсивность реагирования на слухи выяснит наиболее неблагонадежные места, и на эти места после можно будет посильнее принажать.

После долгих прений проект Павлуновского и Уралова победил. Решили пустить в дело не только одни голые слухи, но смастерить и несколько членов б. царской семьи.

Задача последних – вынырнуть «под строжайшем секретом» в местностях по указанию организаторов предприятия, залезть в самые потаенные уголки души населения и обо всем регулярно извещать «начальство», тщательно регистрируя более активных «поклонников» – «контрреволюционеров»...

В основу своего появления на свет Божий, новоиспеченные члены б. царской фамилии должны поставить рассказ о том, что слухи о расстреле большевиками царя с семейством неправильны: пустили их сами комиссары для каких-то своих целей. На самом же деле все живы, но спрятаны большевиками в таком месте и под таким строгим наблюдением, что о бегстве или освобождении нечего думать. Сами же они, т.е. появившиеся «члены царской семьи», большевиками уже освобождены, но должны были под угрозой смерти, своей и оставшихся в заключении, дать клятву и подпись, что в течение десяти лет никому не заявят о своем царском происхождении, не будут действовать против советского правительства и т.д.

При появлении своем в какой-либо местности, все это «под величайшим секретом» должно быть передано одному или двум лицам из числа наиболее богатых крестьян, а там дальше уже действовать по обстоятельствам.

Кроме того, мимоходом необходимо упомянуть, что пребывание в России им воспрещено и поэтому они уедут за границу, где и будут проживать, никому себя не выдавая.

Смирнов весь этот план санкционировал, и Павлуновский с Ураловым начали действовать.

Решили дать народу одну б. великую княжну и одного б. великого князя...

Прошел месяц и ... действительно дали ... б. вел. кн. Ольгу Николаевну и вел. кн. Михаила Александровича ...

На ампула первой поставили некую Кислову, девицу легкого поведения и любовницу Уралова, а второго – б. капитана и преподавателя в Омском кадетском корпусе – Соколова.

Как Кислова, так и Соколов ростом и лицом походили на оригиналов разыгрываемой ими роли и, заручившись обещаниями будущих благ и наград, отправились на работу.

«Великому князю» Павлуновский указал некоторые местности Тобольской губернии, а «вел. княгине» – Барнаульскую губернию ...

С месяц о деятельности обоих «высокопоставленных» лиц не было ничего слышно, потом приезжие из деревни в Омск начали шепотом передавать слухи, что в Сибири появились Ольга Николаевна и Михаил Александрович и крестьяне принимают их радушно, стараясь скрывать от коммунистов и снабжая богато деньгами.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, но вдруг грянул гром среди ясных небес: слухи о появившихся «членах дома Романовых» дошли до Москвы и оттуда пришел запрос – срочно информировать москвичей о правдоподобности слухов.

Пришлось Смирнову изложить дело появления «Романовых», и произошел скандал: Москва дала строжайший наказ срочно ликвидировать «предприятие», арестовать сфабрикованных «членов царской семьи», препроводить их в Москву, а организаторам дела дать объяснения, на каком основании посмели решиться на такой рискованный шаг, как фабрикование «членов дома Романовых».

Сколько известно, «Ольга Николаевна», узнав о грозящем аресте, успела скрыться, а «Михаила Александровича» доставили в Москву, и, чтобы не дать делу огласки, – боясь, что он проговорится, – расстреляли.

Удалось ли обоим «Романовым» залезть «в тайники душ сибиряков» и составить списки «контрреволюционеров» – неизвестно, но факт тот, что скоро после ликвидации «предприятия» в Барнаульскую и Тобольскую губернию были из Омска и Ново-Николаевска командированы карательные отряды, которые нещадно расправлялись с населением целых сел и деревень.

Гарантирован ли и в настоящее время советский обыватель от появления такого же производства лиц дома Романовых?

IV.

Правда об истории Бразильского консульства в Киеве

Ничего, кроме правды.

В некоторых заграничных изданиях, в частности в «Архиве Русской Революции» и «На чужой стороне», в свое время появился целый ряд статей о Бразильском консульстве, устроенном большевиками в Киеве летом 1919-го года.

Лицо, занимавшее должность консула, фигурировало под моей фамилией.

Чтобы раз и навсегда выяснить истину настоящего дела, решаюсь прибегнуть к любезной готовности редакции «Слова» напечатать мою статью об этой на шумевшей истории и тем самым освободить свое имя от незаслуженных страшных обвинений.

* * *

Это было в июне 1919-го года. Я в то время работал в Центральном Управлении по делам пленных и беженцев.

Председателем этого учреждения состоял Эйдук, занимавший, кроме того, должности члена Коллегий ВЧК и Народного Комиссариата Внутренних дел и члена Совета Оборона Республики.

Как-то раз, заходя по делу в кабинет Эйдука, я последнего там не застал, а за его письменным столом сидел неизвестный мне человек.

Спросил его – где Эйдук, и получил ответ, что вышел по делу и скоро вернется.

Разговорились. Оказалось, что оба мы земляки – латыши и что фамилия его Шмидт. Приехал он будто бы из Ташкента, где занимал какую-то крупную должность по администрации края, а в настоящее время остается служить в Москве при Наркомвнудел.

Эйдука я не дождался и, распрощавшись со своим новым знакомым, ушел.

Прошла, приблизительно, неделя.

В Москве в то время в Петровском парке существовал подпольный кабачок «Жана».

Это было веселое место, где можно было достать все: начиная от самогонки, кончая лучшей марки шампанского.

Но главной приманкой «Жана» служил хор цыган Полякова, подвизавшийся в свое время в «Яре».

По вечерам около небольшого домика, притаившегося между тенисными деревьями Петровского парка, можно было встречать вереницы автомобилей и шикарных экипажей на дутых резиновых шинах.

Сюда, чтобы отдохнуть от трудов праведных, выпить бокал «Мумм» или «Клико», или просто стакан самогонки и послушать цыган, стекались все сливки советской аристократии.

«Жан» видал в своих стенах Луначарского, Карахана, Каменева, Шалапина, Иоффе и прочих тому подобных господ. Но главный контингент его посетителей состоял из лиц среднего советского сословия – служащих разных комиссариатов, главков и комитетов.

Вот в этот-то кабачок и я как-то забрался.

Среди других посетителей, встретил своего земляка Шмидта.

Сидел он за столиком вместе с двумя цыганками – Шурой и Маней, и щегольски одетым молодым человеком восточного типа.

Видя, что я разыскиваю свободное местечко, где бы сесть, Шмидт попросил меня в свою компанию.

Восточный тип оказался грузином Сакваридзе, видным коммунистом, после получившим громкую известность своей карательной экспедицией в Кахетии.

Шмидт тотчас же приступил ко мне с вопросом, не желаю ли я переменить службу и перейти в другое ведомство.

Поинтересовался – в какое?

– В дипломатическое, – получил в ответ.

Полагая, что дело касается Наркоминдела, я изъявил свою готовность и просил Шмидта, если возможно, этот переход устроить.

– Ну, конечно, возможно! Завтра мы об этом поговорим подробнее.

Дальше он попросил оставить ему мой частный адрес и назначить час свидания.

В этот вечер разговора о службе больше не было.

Вместо этого завязалась усиленная попойка.

Сакваридзе танцевал лезгинку. Цыгане пели. Шмидт же, входя в «телячий восторг», выхватил вдруг револьвер и несколько раз выстрелил в потолок.

Видя, что дело может кончиться скандалом, я распрощался и уехал домой.

На другой день, в назначенный час, Шмидт приехал ко мне.

Я в то время жил по Малому Кисловскому переулку в квартире Протопоповой, сестры последнего министра внутренних дел при царизме. Сама Протопопова жила где-то в Германии.

Вместе со мной в этой же квартире проживали две старушки – нянька Протопоповой с сестрой. Первый вопрос по приезде Шмидта был:

«Имеются ли кроме вас, товарищ, здесь посторонние?»

Немного удивленный, ответил, что кроме старушек – никого.

«Ну, ладно!»

Тут мне Шмидт начал рассказывать странные вещи. Прежде всего, что Советскую Россию начинают признавать де факто и де юре иностранные государства. Хотя, правда, оформленных признаний еще не получено, но косвенные данные об этом уже имеются в распоряжении Совета Народн. Комиссаров.

Украинскую Советскую Республику тоже почти что признало Бразильское правительство и, желая завязать с ней торговые сношения, просило Раковского, до присылки постоянного представителя, представить на утверждение Рио-де-Жанейро человека, кто бы согласился брать на себя должность временного консульского агента в Украине.

Шмидт предложил эту должность мне.

Все это дело меня немножко удивило. В том, что бразильское правительство пожелало войти в сношения с Советской Россией, в частности – с Украиной, ничего странного не было. Но меня заставил задуматься другой вопрос: почему Шмидт обращается со своим предложением ко мне, ведь мы друг друга почти не знаем?

Поэтому я ему предложил соответствующий вопрос и получил ответ, что русского или еврея на такую должность не стоит поставить, – лучше уж своего брата – земляка.

Дальше осведомился у Шмидта, какое он вообще имеет отношение к выбору бразильского консульского агента, ведь, кажется, это не входит в компетенцию Наркомвнудела, в котором он служит.

Шмидт последнее обстоятельство подтвердил, указывая, что действует лишь как частное лицо по личной просьбе Раковского.

«Каковы будут мои обязанности, если я соглашусь занять предлагаемую должность?»

«Налаживание торговых сношений с Южной Америкой. А впрочем, подробности узнаете в Киеве».

«Да ведь я с таким делом совершенно не знаком, и вряд ли смогу выполнить возлагаемую на меня работу. Кроме того, необходимо знание французского языка, а я с ним незнаком».

Продолжал я сомневаться.

«Это пустяки. Можете взять себе секретаря, владеющего французским языком».

В таком духе долго еще продолжались наши разговоры, и, в конце концов, я изъявил на предложение Шмидта свое принципиальное согласие.

Шмидт просил меня написать формальное заявление на имя Раковского. Последнее он сам перешлет в Киев, а мне остается ждать извещения об утверждении со стороны Бразильск. Правительства, которое последует скоро, ибо Раковский, как Наркоминдел Украинской Сов. Республики, с Рио-де-Жанейро снесется по радио.

На этом мы расстались.

Основным мотивом принять предложение Шмидта послужили некоторые несогласия по службе с Эйдуком, и я рад был уйти из Центрэвака.

В ожидании извещения от Раковского, я начал уже делать приготовления к отъезду, но обстоятельства вдруг изменились.

Как-то встретил на улице своего хорошего знакомого Б., приехавшего в Москву из Киева и занимавшего там ответственную должность при совете народных комиссаров УССР.

Рассказал ему про сделанное мне предложение и спросил его, не знает ли он подробностей о предполагаемых торговых сношениях Украины с Бразилией.

Сначала он удивился, что первый раз слышит о признании Советской Украины Бразилией, а потом, подумав, сказал:

– Знаете, что, – советую вам отказаться от предложения. После будете жалеть. Мне кажется, что во всей предполагаемой махинации скрыто что-то другое, а впрочем, как хотите, так и делайте.

На другой же день после разговора с Б., я послал телеграмму Раковскому с отказом от предложенной должности бразильского представителя в Украине.

* * *

Прошло месяца два. Зашел раз в Незлобинский театр посмотреть «Ревность» Арцыбашева.

Во время антракта в буфете встретился снова с Б.

– Какими это вы судьбами в Москве? Разве в Киеве не нравится? – спросил, смеясь, меня Б.

– Как это в Киеве? Да я там и не был!

– Что вы говорите – не были! Да вы уже с месяц там «консульствуете!» – недоумевал мой знакомый.

Просил его объяснить, и тут впервые узнал, что в Киеве действительно устроено бразильское консульство, во главе которого стоит мой однофамилец. Консульство пользуется большими правами и преимуществами и открыто с июля месяца.

Все это дело меня так ошеломило, что я, не дожидаясь окончания спектакля, уехал домой.

Одно для меня стало ясно: происходит мистификация для каких-то сокровенных целей советского правительства. Какова эта цель и почему консула окрестили моей фамилией – для меня оставалось загадкой. Необходимо было добиться разъяснений и я на другой же день начал действовать.

В первую очередь отправился в Наркомвнудел разыскивать Шмидта. Там мне сообщили, что он уехал в Самару и вернется недели через три. Оттуда я отправился в Наркоминдел и в разговоре с Караханом просил его дать пояснения, каким это образом в России очутились два однофамильца

Пирро с одинаковыми именами и отчествами, и неужели обоим было предложено занять должность бразильского консула в Киеве.

– Какого бразильского консула? – захохотал Карахан. – Я первый раз слышу про такое дело. Ведь работа украинского комиссариата по иностранным делам протекает под контролем Москвы, и если бы Бразилия признала правительство Советской Украины, то в первую очередь об этом узнали бы мы. Впрочем, дело разъяснится: я сейчас же сделаю запрос по телеграфу Раковскому.

– Для меня, т. Карахан, важен не факт существования в Киеве бразильского консульства, а нахождение во главе последнего лица, пользующегося моей фамилией. Поэтому я прошу принять серьезные меры, чтобы выяснить это обстоятельство. Вместе с тем заявляю, что подам протест в ВЦИК.

– Обождите, товарищ, уверяю вас, что дело выясним. Серьезного тут ничего быть не может, все это одно недоразумение.

На этом я успокоился и, обещав заехать за результатом через несколько дней, отправился на службу.

Дела заставили меня поехать в Тверь и пробыть там больше недели.

По возвращении в Москву, первое, что бросилось в глаза – это вывешенные Ростой (телеграфное агентство) в помещении Николаевского вокзала последние телеграммы, написанные крупными буквами.

Первая из них гласила, что в Киеве Всеукраинской Чрезвычайной Комиссией раскрыт большой контрреволюционный заговор, во главе которого стоял бразильский консул Пирро. Все виновные в заговоре арестованы и несколько лиц из них, в том числе Пирро, расстреляны.

«Ну, и шутка», подумал я, «значит меня боль на свете не существует!»

С вокзала же прямо поехал в Наркоминдел, но Карахана не застал. Вместо него зашел к его секретарю Кантаровичу и тут ларчик отчасти открылся.

Оказалось, что Карахан действительно сделал строгий запрос Раковскому – на каком основании и для какой цели в Киеве учреждено Бразильское консульство. Получив такой запрос, Раковский ответил, что консульство просто декорация, внушающая беспокойным киевлянам некоторое уважение к тамошним властям, якобы уже признанным со стороны чужого государства. Впрочем, если Москва прикажет, можно его ликвидировать.

И Москва это приказала.

Ответом на это приказание явилась телеграмма Росты о раскрытии контрреволюционного заговора, аресте и расстреле бунтовщиков.

Была ли эта телеграмма и вся эта история с контрреволюционным заговором тоже мистификацией для благовидного отвода глаз по поводу скоростной ликвидации консульства «дружественной державы» – для меня пока осталось секретом. Кантарович больше никаких пояснений дать не мог, и я, чтобы узнать истину, написал письмо к своему знакомому Б.

в Киев, с просьбой сообщить мне подробности истории с консульством и сведения об участии моего однофамильца.

Ответное письмо дней через десять получил из Гомеля. Дело в том, что в это время Киев был занят уже добровольческой армией и оттуда все советские учреждения эвакуированы в Гомель и Харьков. Б. писал, что консульство ликвидировано по приказу из Москвы. Никакого антисоветского заговора не существовало, но ввиду того, что в организации мнимого учреждения был заинтересован председатель Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии Лацис, желавший извлечь из консульства выгоды в смысле получения информационного материала о движении белогвардейцев, то по получении телеграммы из Москвы о ликвидации дела, по его совету, чтобы выйти сухим из воды, решили прибегнуть к помпе.

Другими словами говоря, объявили, что консульство было учреждено контрреволюционерами. Во главе его также стоял контрреволюционер Пирро, таковыми же были и служащие.

На самом же деле, по словам Б., служащими состояли исключительно лица, пользующиеся доверием советских властей. При ликвидации они все погоды были арестованы и для предания всему делу большего эффекта – мнимо расстреляны, то есть посажены в вагон и отправлены подальше из Киева. Также было поступлено и с Пирро.

Кто скрывался под фамилией последнего?

Об этом Б. ничего положительного мне не мог сообщить, но высказал лишь предположение, что один бывший румынский офицер, друг и приятель Раковского – Авинески.

После я уже узнал из других источников, что действительно моим двойником был упомянутый Авинески, капитан румынской службы, перешедший еще во время мировой войны в ряды русской армии, а после октябрьского переворота примкнувший к большевикам.

Оказалось, что Раковским, по получении моего первого заявления, посланного через Шмидта, был отдан приказ заготовить заранее необходимые новоиспеченному консулу бумаги, что и было сделано. Когда же в Киеве был получен мой отказ от предлагаемой должности, то на скорую руку разыскали Авинеску и, чтобы ему не фигурировать под своей фамилией, вручили, не долго думая, бумаги, заготовленные на мое имя.

Мною в свое время было подано заявление обо всем происшедшем председателю ВЦИК Калинину, но ответа я не получил. Слышал только со стороны, что Раковскому и Лацису дан выговор за столь «непролетарский образ действий», не подобающий ответственным советским работникам.

Что же касается сведений заграничных изданий о якобы расстрелянной Поплавской, занимавшей должность секретаря консульства, то мне случайно удалось установить, что она еще в 1921 году проживала в Самаре и

вступила в гражданский брак с одним бывшим офицером колчаковских «черных гусар» – корнетом Веденевым или Леденевым.

Относительно дальнейшей судьбы Авинеску мне известно лишь то, что летом 1921-го года он занимал какую-то ответственную должность в Ялте, если не ошибаюсь, был политическим комиссаром пехотной воинской части.

Вот истинная история Бразильского консульства в Киеве.

Она достаточно ярко характеризует те приемы, какие в свое время употреблялись большевиками для укрепления своих шатких позиций.

«Если не мытьем, так катанием», – рассуждали в Кремле.

И действительно катали. Так катали, что одни брызги летели ... самим в лицо.

V. Музей ГПУ

В Москве по Б. Лубянке существует уголок, недоступный для глаз простого советского смертного.

Это – музей ГПУ.

Музей смерти, подвалов, провокаций и ужасов.

Расположен он по указанной улице в доме № 2 и занимает всего несколько небольших комнат.

В этом же доме помещается ГПУ. Проникнуть в музей чрезвычайно трудно, и для этого требуется особое разрешение начальника ГПУ.

Мне лично эту возможность доставил бывший мой сослуживец по полку во время Русско-Германской войны – Блумберг, занимавший при отступлении Колчака должность командующего 5-ой советской армией.

– Хотите поехать вместе со мной посмотреть музей ГПУ? – обратился он как-то ко мне по телефону. – Не пожалеете, потому что интересного там много!

Я, понятно, согласился, и через час мы были уже в этом помещении, где накоплено столько ужасного, столько омерзительного, но вместе с тем и интересного.

Заведует музеем высокий молодой чекист, по-видимому, гордящийся своим положением хранителя коллекций и человеческих документов, равных которым на свете навряд ли можно найти.

С большой охотой и предупредительностью он нам показывает свой «товар» и дает соответствующие разъяснения.

Стены первой комнаты сплошь уставлены большими стеклянными шкафами, полки которых битком набиты всевозможными инструментами для пыток.

Это трофеи, отнятые будто бы у денкинцев, колчаковцев, врангелевцев, грузин, поляков, немцев, петлюровцев и т.д.

– Неужели все это когда-нибудь применялось в дело? – мелькает у меня сомнение, когда я смотрю на шкаф с надписью: «Булак-Балахович».

Чего, чего тут только нет: аршинные нагайки, в конце которых зашиты куски свинца, наручники с острыми шипами, кожаные перчатки с иголками, нагайки, сделанные из 5-6 ремней, узкие сапоги с вбитыми торчащими гвоздями...

В других шкафах почти то же.

Заведующий музеем с апломбом говорил нам, показывая эти орудия:

– Вот данные для наших побед над белогвардейцами!

В одном шкафу, на куске белого картона, чернеет что-то растянутое, имеющее подобие перчатки.

Вглядываюсь внимательнее.

Боже мой, действительно перчатка, но какая перчатка: из человеческой кожи!..

– Что, любуетесь, товарищ? – обращается ко мне чекист. – Вещь занимательная, не правда ли? Ведь эта перчатка снята с руки живого человека – комиссара полка. Деникинские контрразведчики после снятия прислали перчатку в штаб одного из наших полков вместе с сопроводительным письмом. Вот оно! – показывает нам измятую бумажку, на которой крупным почерком начертаны всего несколько слов о том, что таким же образом будет поступлено со всеми красными комиссарами ...

Не хочется дольше оставаться около картона со страшным человеческим документом. Отворачиваюсь от него, и в глаза бросается женское белье.

– Нравится? – усмехается чекист. – Угадajte, кому оно принадлежало!

Подхожу ближе.

– Это собственность расстрелянной б. царицы Александры Романовой! Белье прислано сюда в подарок ВЧК екатеринбургским ревкомом!..

Кстати. Эти интимные части туалета б. императрицы были в 1920 г. выставлены в доме профсоюзов на первой всесоветской выставке союзов, как редкостные экспонаты.

Однако, возмущение рабочих и, особенно, работниц подобным издевательством над памятью замученной царицы было настолько велико, что вдохновители этой затеи, «чтоб гусей не дразнить», сняли белье с витрин и отправили в ГПУ на хранение.

Спешу отойти от этого омерзительного, полного издевательств подарка и попадаю из огня в полымя.

– А это вещь не менее интересная, – продолжает хвастаться своим «товаром» чекист. – Это жилет Николая II!

Взглядываю на показываемый предмет и невольно содрогаюсь.

Мягкий, серого цвета, вязаный жилет. Не жилет даже, а камзол.

Весь он залит кровью и в нескольких местах пробит не то пулями, не то проткнут штыком.

– Тоже подарок екатеринбургцев! – хохочет заведующий музеем.

– Вот, тоже знаменитая штучка! – показывает хранитель этих страшных реликвий на мундир защитного цвета, висевший около одного из шкафов. – Принадлежал когда-то адмиралу Колчаку и в последний раз был надет им в день расстрела!..

На мундире адмиральские погоны такого же защитного цвета.

Зигзаги на погонах проведены желтой, уже облупившейся, краской.

На левом борту – георгиевский крест с поблекшей ленточкой ...

После уже я этот мундир видел выставленным на местной выставке в доме профсоюзов (б. дворянское собрание) и около него всегда толпилась толпа зрителей.

В одном из шкафов помещена большая стеклянная банка.

По середине ее другая, поменьше, а в ней в спирту какой-то красный комок. Это сердце убитого Канегисером в Петрограде председателя чеки Урицкого.

Тоже человеческий документ!

– Боже! – думаю, – сколько это сердце могло поглощать человеческой крови и ни разу не содрогнуться, когда его владелец хладнокровно отдавал приказы о расстреле тысяч невинных людей!..

— — — — —

Переходим в другую комнату. Все стены ее увешаны фотографическими снимками.

На нескольких столах груды альбомов, тоже со снимками.

От всех них пахнет кровью. Это все «контрреволюционеры», жертвы чрезвычайных комиссий, особых отделов и тому подобных учреждений. Правда, между снимками попадаются и фотографии лиц, продолжающих еще свое существование на белом свете.

Один альбом весь занят видными деятелями правых с.-р. Тут Чернов, Керенский, Савинков и др. во всевозможных позах и положениях. Другой всецело уделен руководителям денкинской армии. Тут и генералы, полковники, прапорщики и поручики. Под каждым снимком краткие сведения о личности и служебном положении оригинала с указанием номера, под каким более подробные сведения занесены в особые книги.

За денкинцами следуют альбомы с колчаковцами, дутовцами, врангелевцами и т.д.

Преобладающий контингент же составляют снимки с арестованных и, по большей части, выведенных «в расход» лиц. Есть тут мужчины и женщины, военные и штатские, старые и молодые, рабочие и «буржуи», б. ми-

нистры и кочегары, фрейлины двора и проститутки, княжны и крестьянки, графы и мещане...

Много их. Нужны недели, чтобы разобраться и установить понятие о громадном количестве «врагов пролетариата». С интересом рассматриваем кучу альбомов со снимками из интимной жизни Николая II с семейством. Многие из них сделаны руками маленького Алексея и великих княжон. Помнится один снимок, изображающий группу лиц около фонтана в Царскосельском парке. На нем Алексей схватил за руку сестру Анастасию и тащит под струю фонтана. Последней на помощь спешит Ольга и шутиливо размахивается на Алексея игрушечной лопатой.

Третья по счету комната занята исключительно «белогвардейскими» воззваниями, плакатами и толстыми связками дел в синих и коричневых обложках. Тут тоже все деникинское, колчаковское и т.д.

Плакаты разных «осведбюро», комитетов помощи белым армиям, воззвания на предмет вступления в ряды армии и т.д.

Дела же относятся к деятельности белых контрразведок, следственные материалы, приговоры полевых судов и проч.

Все это меня мало интересует и поэтому перебираемся в четвертую и последнюю комнату.

Эта всецело посвящена деятельности разных антисоветских организаций в Москве, Петрограде, Ярославле, Харькове, Пензе и других городах.

Тут кучи поддельных печатей разных советских учреждений, фотографии и виды конспиративных квартир, подпольных типографий и лабораторий взрывчатых веществ.

В шкафах самодельные ручные гранаты, адские машины, пузырьки с какими-то жидкостями.

Прокламации. Брошюры. Переписка между членами организаций.

Много всего занимательного.

Но Блумгер спешит в штаб красной армии, мне же оставаться с глазу на глаз с высоким чекистом – охоты мало. Поэтому, с некоторым сожалением, приходится оставить это интересное, но жуткое помещение, где сосредоточено столько скорби, подвигов и слез. Где от каждой вещицы веет или смертью, или подвигом.

VI.

Максим Горький и художественные ценности

Роль Максима Горького в разных сомнительных делах Советской России достаточно выяснена.

Умер Максим Горький для честной России, но сам-то умирать не хочет. Наоборот, облачился в белую тогу римского патриция и разъезжая по

Западной Европе, высокомерным тоном старается внушить иностранцам, что он-де Максимом был и Максимом остался...

Большевизм его не коснулся.

С главарями последнего никогда не возился.

Лизоблюдом Луначарского, Ленина и Зиновьева никогда не был.

Коллекционерством грабленой и реквизированной художественной старины никогда не занимался.

И прочее, и прочее.

«Совсем напротив»: и он, и жена его всегда старались противодействовать разрушительным тенденциям большевиков и поэтому находились всегда под угрозой репрессий и зорким наблюдением Госполитуправления.

Ах, какие милые люди Максим Горький и супруга его Мария Федоровна!

Жили, жили целый семь лет в клоаке большевизма, смотрели со стороны на разрушение России и даже оказывали противодействие зарвавшимся слишком далеко коммунистам!...

Герои! Мученики! Святые люди! Не так ли?

Мы поняли бы Горького, если бы он после семилетней совместной работы с большевиками пришел и сказал бы честно и открыто:

«Да. Было дело. Разрушал Россию, но теперь в этом раскаиваюсь».

Но он этого не делает. Его душа не отваживается на такой геройский поступок.

Максим Горький продолжает утверждать противоположное.

А кто лжет, тот и крадет.

И я утверждаю, что руки Максима Горького нечисты: к ним прилипло чужое добро, грабленное, ворованное добро.

Пусть ответит мне, пусть докажет создатель Челкаша, что я говорю неправду.

Горький не воскреснет!...

Период от 1918 – 1921 г. был периодом грабежей, реквизиций, конфискации и национализаций. Россия буквально стонала под налетом чекистов, комиссаров и всевозможных комиссий и комитетов.

Грабили и отнимали все: одежду, драгоценности, мебель, ковры и т.д.

На один предмет только мало обращали внимания – художественную старину: картины, миниатюры, гобелены, старинный фарфор и книги.

Весь этот «хлам» в глазах тогдашних заправил имел небольшую реальную ценность и являлся просто буржуазной дребеденью, не стоящей внимания.

Правда, со временем этот взгляд изменился, но в те годы положение было такое, как я уже сказал.

Вот тут-то и нашлись предприимчивые люди, которые на это обстоятельство обратили свой прожорливый взор, и начали усиленно собирать все, что попадалось под руку, особенно художественного. Были среди них коллекционеры-любители, собиравшие просто для своих коллекций, но большая часть – спекулянты, понявшие, какие громадные сокровища валяются чуть ли не под ногами и чтобы получить их – стоит только протянуть руку.

Существовал декрет Луначарского, в силу которого коллекции художественных и старинных вещей не подлежали отчуждению.

Но это был лишь декрет, клочок бумаги, не имеющий реальной силы: кто хотел и имел кое-какую власть – брал «не спросясь разрешения» Луначарского.

Особенно в этом отношении отличился Максим Горький. Друг и приятель Луначарского, Ленина, Дзержинского, Петерса.

Чин он имел довольно крупный.

Занимал должность комиссара по наблюдению за художественной стариной Северной Коммуны.

Кроме того состоял председателем каких-то музейных и архивных комиссий и членом целого ряда других, имеющих отношение к художественным и историческим предметам.

Тут-то и началось то скверное, о чем столько говорили и говорят.

Максим Горький польстился на чужую собственность.

Квартира его по Кронверкскому пр. превратилась в склад российских художественных сокровищ. Не купленных за деньги, а реквизированных, ворованных.

Бывший великий писатель разъезжал на своем великолепном автомобиле по всему Петрограду и как ищейка разнюхивал, нет ли где-нибудь чего пригодного для его склада торговли оптом и в розницу.

Если где-либо что нашел, на другой день являлись туда его агенты, предъявляли ордер за подписью Горького как комиссара и без жалости вывозили все то, что было отмечено пославшим их товарищем комиссаром.

Правда, часть взятого попадала в государственные хранилища, но наиболее ценные вещи исчезали в стенах дома по Кронверкскому пр.

Помнит ли еще Максим Горький коллекцию миниатюр князей Белосельских-Белозерских, забранную его клеветом Рассохиным и переданную последним своему патрону? Где она теперь?

Знаю, что от бывшего товарища комиссара ответа не получим, ибо в таком случае он должен сознаться, что коллекция им продана англичанину Чандерсу, приехавшему в 1920 году в Россию с специальной целью скупать художественную старину.

Не забыл ли Максим Горький про другую коллекцию миниатюр, отнятую им при помощи милиции у страстного коллекционера последних Транзе фон Розенека.

Когда к нему явились агенты Горького с орденем на право захвата миниатюр – он их не дал. О сопротивлении старика по телефону сообщили Горькому, и скоро на помощь агентам явилась милиция. Понятно, что сила одолела право и транзеевская коллекция миниатюр торжественно перекочевала в квартиру Горького. Она оценивалась в 50 тысяч золотых рублей, а была продана писателем датскому инженеру Йогансу за 5000 датских крон и в июле 1920 г. вывезена в Копенгаген ...

Не исчезла ли из памяти Горького история с чудными фламандскими гобеленами Зимнего дворца, которые как-то летом 1919-го года таинственно улетучились из Белой гостиной последнего?

Все это дело так бы и обошлось, но к несчастью, за несколько дней до пропажи гобеленов, на них обратил свое высокое внимание сам Зиновьев и отдал уже приказ перевести фламандские полотна в его обиталище, а тут вдруг они пропали. Поднялся скандал.

Началось следствие.

Виновным в похищении гобеленов оказался один из дворцовых служащих. На допросе он сознался, что взять гобелены его уговорила супруга Максима Горького – Марья Федоровна, занимавшая должность комиссара Петроградских театров. За услугу она обещала устроить служащего на другую, более выгодную должность. Гобелены он отнес в квартиру Горького.

Понятно, когда открылся истинный виновник кражи, дело затушили...

В чьих руках теперь эти гобелены?

Кому и за сколько проданы? Летом 1920-го года Андреева, жена Горького, поехала в Германию.

Формально мотивом поездки явилась задача осведомить публику Запада о положении русского театра, а главной причиной послужило стремление ликвидировать те громадные запасы «буржуазного хлама», которые накопились в квартире по Кронверкскому проспекту.

И ликвидация началась.

Скоро после отъезда Андреевой в Берлин, в Ревель прибыли два вагона с транзитным грузом.

Согласно данного Петроградским отделением Внешторга маршрута, груз направлялся в Гамбург и имел срочное назначение.

Сколько помнится, в сопроводительных бумагах содержание вагонов было обозначено лаконическим – «домашние вещи».

На самом же деле груз состоял целиком из ящиков со старинным мейсенским, венским, саксонским фарфором, запакованных в брезент тюков с редкими коврами, картин и целого ряда больших чудных ваз б. импе-

раторского фарфорового завода, когда-то украшавших залы Зимнего дворца. Транспорт вещей сопровождал клевет и правая рука четы Горьких – Рассохин.

Он же, как после оказалось, устраивал в Гамбурге все дела по продаже вывезенного награбленного имущества, действуя в тесном контакте с Марией Федоровной, которая сама, чтобы не скомпрометироваться, открыто в продажу не вмешивалась.

Среди «товаров» нашелся какой-то редкий чайный сервиз громадной стоимости. Его за бесценок купил один из гамбургских антикваров и выставил в витрину своего магазина.

Как-то, случайно проходя мимо магазина антиквара, выставленными вещами заинтересовался один из бывших чиновников германского посольства в царской России, если не ошибаюсь, граф Асслебен или Ганслебен.

Обратив внимание на сервиз, он в нем опознал свою собственность, оставленную в Петрограде при отъезде из России в начале Русско-Германской войны.

От антиквара немец узнал фамилию продавца Рассохина и обратился к полиции, указывая, что сервиз принадлежит ему и прося выяснить, каким путем он попал в руки Рассохина. Вместе с тем Асслебен или Ганслебен требовал возвращения ему его собственности.

Началось дознание.

Рассохин сознался, что сервиз и вообще все художественные ценности, которые он в Гамбурге распродает, принадлежат не ему, а русскому писателю Максиму Горькому с женой.

Поднялся было скандал. Но о происшествии вовремя узнала сама Андреева, и при помощи советского представителя в Берлине – Коппа, дело удалось затушевать ...

Я мог бы привести еще десятки примеров «любви Максима Горького к художественной старине», но хватит и этих. Пусть узнают те, кому бывший великий писатель продолжает «заговаривать зубы», что они имеют дело с похитителем чужой собственности.

С человеком, который прикрываясь личиной невинности, творил и может быть еще творит не добрые дела ...

По крайней мере он не имеет мужества заявить во всеулышание:

– Что было, то прошло! Впредь – не повторится. Я виноват и каюсь. Кто из нас, смертных, не грешен.

но Максим Горький этого не сделает ...

VII.

Как Бела-Кун пробрался в Москву

Середина июля 1920-го года. Между некоторыми служащими совпредставительства в Эстонии уже с самого утра идут какие-то оживленные секретные перешептывания, заглушенные разговоры.

Чувствуется, что случилось что-то важное.

Обращаюсь за разъяснением к одному-другому из них, но получаю в ответ лишь загадочные улыбки и двусмысленные фразы:

– Неужели ничего не знаете?

– Поживете, увидите!

– Много будете знать – скоро поседеете!

Это все члены комячейки представительства.

Встречаю секретаря торговой части – Арлангера, человека веселого, жизнерадостного.

Сразу накидывается на меня:

– Пропала ваша буйная головушка! Неужели вы думаете благополучно доехать до Москвы?

– Как это благополучно доехать? Да я ведь пока что вовсе не собираюсь туда направиться!

– Что вы говорите? Мне только что т. Гуковский сказал, что его сопровождать будете вы!

Час от часу не легче.

– Кого это?

– Да Бела-Куна!

Ничего не понимаю. Отправляюсь за справками к самому Гуковскому.

Оказывается, в Ревель действительно прибыл б. председатель венгерского совета народных комиссаров – Бела-Кун.

Бежал он из Германии. В свое время, после ликвидации советского правительства в Венгрии, Бела-Кун и еще несколько народных комиссаров были арестованы и, чтобы избежать самосуда народа, переправлены в Австрию и там под надежной охраной интернированы в одном из замков б. императора.

Когда об этом стало известно в Москве, Крестинский и Зиновьев немедленно обратились к Чичерину с требованием принять меры к спасению интернированных, т.к. им будто бы угрожает смертельная опасность со стороны венгерских националистов и австрийских монархистов.

Путем дипломатических переговоров представителя советского правительства в Берлине Коппа с германскими властями удалось достичь переправки арестованных комиссаров в Германию, где они, в свою очередь, находились под охраной.

Дело на половину было сделано. Оставалось выполнить следующую часть намеченной программы – добиться дальнейшей переправки венгерцев в Советскую Россию.

Тут уж дипломатическая мясорубка заработала во всю.

Были пущены в ход и партийные пружины, и комбинации с правыми немецкими группами. В общем, в то время тяготение германского правительства к Советской России было сильное и, чтобы «друзьям» сделать услугу, было решено Бела-Куна передать «по принадлежности».

Словом, в мае 1920-го Бела-Кун «бежал» и с ним вместе один из его товарищей.

В Гамбурге они сели на пароход, специально для этой цели зафрахтованный.

Но тут случилось непредвиденное препятствие: пароход сейчас же на выходе в открытое море был задержан английской канонеркой и «высокопоставленные» пассажиры сняты и отправлены обратно на место заключения. Первая попытка кончилась неудачно, ибо, как после выяснилось, план «бегства» б. комиссаров стал заранее известным союзным оккупационным властям, которые приняли соответствующие меры для его разрушения.

Вторая попытка «бежать» прошла благополучно, и, как видим, Бела-Кун с одним товарищем прибыл в Ревель.

Гуковский мне все это объяснял, тут же сообщая, что «гостей» надо поскорее «сплавить» из Ревеля, иначе англичане или французы могут нагрянуть с требованием к эстонскому правительству о задержании беглецов, тогда все дело снова пропало.

Оба венгерца снабжены германскими паспортами на чужое имя, но без русских (эстонских) транзитных виз. Вся задача переправить их через границу, а уж дальше пусть союзники «свищут в кулак».

В качестве сопровождающего Гуковский назначил меня, и, чтобы не рисковать, решено было выехать из Ревеля на другой же день.

[...]²

После этого комиссаром замка было отдано распоряжение все присылаемые нам фрукты и сласти предварительно подвергнуть исследованию, а потом только передавать нам. Этой мерой обнаружили еще две попытки отравить нас. Один раз конфетами, другой – сушеным виноградом.

Спрашиваю, как обращались с ними в Германии.

– Что говорить, – хорошо. Жили, как у Бога, за пазухой.

Князь Фюрстпенгерг усмехается:

– За это благодарите Коппа и ваш Третий Интернационал! Не было бы их, навряд ли вы сегодня сидели бы за этим столом и пили чай!

² Отсутствует фрагмент газетной публикации.

– Скажите, тов. Бела-Кун, – обращаюсь к нему: – вы когда-нибудь собираетесь еще вернуться в Венгрию?

– Будь она тысячу раз проклята! Если и вернусь. То только чтобы карать, карать и снова карать! Вы знаете, почему свергли у нас советское правительство? – не говорит, а кричит Бела-Кун по адресу полковника. – Не потому, что Красная армия и коммунистическая партия были слабы, а потому, что вы, немцы и австрийцы, помогли коренным врагам Венгрии – духовенству, дворянству и высшей аристократии. Ваши деньги, ваше оружие и ваша иезуитская политика сыграли решающую роль в нашем поражении!

Полковник смеется.

– Клянусь вам, если Венгрия снова станет рабочей, в каждом нашем товарище вы найдете мстителя не на жизнь, а на смерть, и та вражда, которая у нас существует по отношению к Австрии и Германии, перейдет в кровавую месть! – заканчивает свой дифирамб Бела-Кун.

В это время поезд подходит к Нарве.

Предстоит довольно неприятная вещь – «дипломатические» переговоры с эстонскими пограничными чиновниками по поводу пропуска «германских коммерсантов», не успевших обзавестись визами.

Бела-Кун чуточку нервничает. Его товарищ же совсем расхляб.

Наконец все паспорта отмечены штемпелем, «переговоры» привели к благоприятному результату и по прибытии советского паровоза из Ямбурга, мы едим дальше. Еще один осмотр на самой границе, потом уже советская территория.

Бела-Кун стоит у окна в коридоре вагона.

Подхожу к нему и вижу, что плачет. Видно, то нервное напряжение, которое скопилось, совершая последний шаг к свободе и жизни, вырвалось наружу, и человек, беспощадно подписывавший десятки декретов о предании смерти венгерских контрреволюционеров, на минуту стал снова человеком.

Но только на пять минут.

По приезде в Ямбург он уже говорит дышащую смертью речь собравшимся приветствовать представителям совдепа, профсоюзов и населения.

Дело в том, что весть о его приезде моментально распространилась по городу и через полчаса после нашего прибытия, станция вся оказалась запруженной народом, желавшим хоть мельком взглянуть на бывшего главу венгерского правительства.

Князь Фюрстенберг отсюда возвращается обратно в Ревель и после довольно искреннего прощания с Бела-Куном и его товарищем, садится в следующий в Эстонию поезд. Через несколько часов мы уже в Петербурге.

Там Бела-Куна встречает Зиновьев, Максим Горький и целый ряд делегаций от всевозможных организаций.

Снова речи и истеричные крики о мщении и всемирной диктатуре пролетариата.

И впоследствии – усеянный русскими трупами путь Бела-Куна по Украине и в Крыму...

VIII.

Судьба личных вещей и гардероба династии Романовых

В своей статье о расхищении царских драгоценностей я привел несколько эпизодов, имевших отношение к ценностям из благородных металлов и самоцветных камней.

Ныне же я хочу коснуться судьбы остального личного имущества и гардероба б. царствующего дома Романовых.

В 1917 году я сотрудничал в газете «Петроградский Курьер», издаваемой и редактируемой покойным Н. А. Нотовичем, человеком в высшей степени прогрессивным и гуманным. После польских событий, когда, с одной стороны, так ярко выразились скрытые темные инстинкты масс, а с другой – бессилие и инертность Временного Правительства, агония последнего началась.

Керенский, чтобы удержать призрак власти в своих руках, бросался во все стороны. Ему сопутствовали остальные члены правительства. А дворец Ксешинской, используя момент, работал во всю. Ежедневно с его балкона раздавались голоса Ленина и Троцкого, призывающих не только свергнуть правительство Керенского, но, между прочим, грабить награбленное. Лозунг нашел массу внимательных ушей и немедленно начал приводиться в действие. Отразился он и на бывшие царские дворцы и хранилища. Правда, тут грабили еще не открыто, ибо, как-никак, дворцы находились под особой охраной правительства, но все же потайной дележ имущества происходил. Грабили лица, причастные к охране, грабили служащие и чиновники дворцов, грабили, поскольку возможно было, и посторонние.

Слухи об этом по Петрограду ходили открыто. Ими, особенно, заинтересовался Н. А. Нотович, и, чтобы выяснить истину, я получил от него распоряжение собрать соответствующие данные. Материалов набралось масса, часть из них, чтобы не бросить лишнее пятно на репутацию Вр. правительства, в весьма осторожной форме использовали для газеты, а на основании общих данных Н. А. Нотовичем была составлена докладная записка на имя Родзянко и передана последнему лично.

После октябрьского же переворота грабеж пошел вовсю. Тогда уже не церемонились, – каждый хватал, что хотел и что мог. Грабили все: комиссары, красногвардейцы, граждане, пользующиеся благосклонностью новых властей, и граждане простые.

* * *

Февральская революция открыла народу доступ в царские жилища, – в те забронированные уголки бывшей России, куда до того времени смели входить только особо избранные люди. Для простых смертных, кроме служителей дворцов, двери оставались закрытыми.

Я не стану говорить о тех слухах, какие носились в народе о баснословной роскоши и богатствах царских обиталищ. Все это каждому из нас хорошо известно. И вот, когда, наконец, дворцы открыли свои двери народу, последний хлынул туда толпами проверить правдоподобность слышанного.

Не обманули слухи: царские комнаты с первых же шагов поражали посетителей своим богатством и ослепительным блеском находящихся в них сокровищ.

Магазин был открыт, – торговля началась.

* * *

В августе 1917 года должность комиссара Зимнего дворца занимал некий Муратов, правый с.-р. и бывший политический ссыльный.

Поставил его на эту должность Керенский. Задача комиссара сводилась к охране дворца, заведованию прислугой, служащими и т.д. В помощь Муратову был придан комендант с одним или двумя заместителями, которому подчинялся караул, кроме того комендант заведовал выдачей пропусков посетителям на право осмотра помещений Зимнего дворца.

Кто был комиссаром до Муратова – не помню, но до его назначения как-то меньше циркулировали слухи о расхищениях из дворца, если не считать первых дней февральской революции, когда оттуда исчезло не мало добра.

С назначением же Муратова слухи росли и ширились, и вот в это время я, согласно поручению Н. А. Нотовича, занялся проверкой их.

В нашем распоряжении были данные, указывающие, что крупную роль в хищениях играют несколько бывших дворцовых чиновников и служащих, в том числе, сколько помнится, помощник заведывающего посудой – Надеждин и приставленный к гардеробной камер-лакей Висковатов.

Путем расспросов некоторых старых лакеев, десятки лет прослуживших царскому семейству, удалось с первых же шагов установить всю картину тех безобразий, каковые происходили во дворце.

Не проходило дня, чтобы на одной или нескольких подводах не вывозилось бы царское имущество. Делалось это с ведома и благословения коменданта, который сам таскал не меньше Надеждина, Висковата и др.

– Господин журналист, – говорил мне со слезами в глазах старик камер-лакей, – неужели так полагается, чтобы открыто воровали чужое добро? Не пожалели же и покойника Александра III, и только на днях сам комендант забрал его дорогую бобровую шубу ...

Из дальнейшего рассказа этого же старика-лакея выяснилось, что гардероб Александра III весь отчасти цел и размещен в нескольких комнатах внутреннего юго-восточного флигеля Зимнего дворца и находится под непосредственным надзором моего собеседника.

Проходим туда.

Через целый ряд апартаментов и коридоров попадаем в светлую с высоким потолком комнату, всю кругом уставленную громадными красного дерева шкапами.

– Вот одежда покойника-государя, – тихим голосом шепчет мне старик. – В этих шкапах хранится все парадное, – продолжает он, открывая три или четыре из них, – а там, дальше, цивильное.

Через двери шкафов виднеется ряд тщательно развешенных, сияющих золотом и серебром мундиров. Некоторые из них с погонами, а другие без. Все мундиры разных полков, шефом которых состоял покойный император.

Тут же пальто и шубы военного образца.

– Знаете, господин, многое, что уже исчезло отсюда. Я уже вам докладывал про взятую комендантом шубу. Это еще ничего, а сколько унесли наш же брат лакеи и чиновники! Я бессилен воспрепятствовать: революция и больше никаких!.. Начнешь уговаривать не делать этого, сулят арестовать. Как старорежимника. Где уж мне старику по тюрьмам валяться, ведь семьдесят лет за спиной!..

Спрашиваю старика, куда виновники девают похищенные вещи?

– Да ты, батюшка, пойди и посмотри, что делается на толкучке и в комиссионных предприятиях. Не мало там добра отсюда попадает! Одной только вывезенной посудой тысячу человек сразу можно удовлетворить ... А какая это посуда! Ведь каждая чашечка и вазочка стоит сотни рублей! Намедни, по приказу самого комиссара, из посудной взяли и отвезли в Таврический дворец два обеденных сервиза, каждый на сто человек. А там уж – пиши пропало ...

Прошу своего путеводителя показать мне дворец поближе.

– Что ж, господин, пойдём! Знаком он мне. Казачком сюда попал при Александре II. Хотите посмотреть половину царя-освободителя?

Понятно, соглашаюсь, и снова мы проходим через ряд комнат.

В некоторых из них стоят караульные, – юнкера одного из военных училищ Петрограда. В концертном зале, в этом перле Зимнего дворца, какое-то движение.

– Это Керенский принимает петиции от фронтовых солдат, – предупреждает мой чичероне.

Хочу зайти и посмотреть, но караульный юнкер около полуоткрытых дверей зала не пускает.

Показываю ему удостоверение редакции. Не помогает.

Проходим дальше.

– Вот любимая гостиная Александра II, – снова тихим голосом шепчет старик-лакей.

Заходим туда.

В гостиной полный хаос. Везде валяются осколки разбитого бюста, даже овальный стол красного дерева со сломанной ногой. Большой тут же ковер сдвинут в кучу. Две картины на стене висят косо.

– Комиссар не велел убирать. Говорит, нужно составить акт. Что уж тут про акты говорить, когда дворец приведен не в лучшее состояние.

Из расспросов других лиц выяснилось, что грабеж производится систематически, и, хотя Муратов посылает на головы хищников все громы небесные, на самом же деле руки его самого не чисты.

Многим петроградцам еще памятен большой антикварный и комиссионный магазин какого-то армянина, расположенный по Невскому проспекту вблизи памятника Екатерины II.

Этот армянин, имея хорошие связи с иностранцами, успел завлечь в свой магазин груды редких и ценных вещей, как из Зимнего, так и из других дворцов, которые последним продавал, собирая громадные суммы. Не знаю, на основании ли докладной записки Н. А.Нотовича, в которой об нем также была речь или по какому-либо другому поводу, у него был произведен обыск, давший в руки властей, поражающие размером хищения, материалы.

Нашли редкой художественной работы вазы, несколько драгоценных групп из серебра, картины, мебель, ковры, посуду и проч.

Дальше выяснилось, что приемкой и распродажей царских вещей занималась известная в свое время артистка Дулькевич.

Квартира ее по Загородному проспекту буквально была завалена принадлежностями туалета б. царицы и великих княжен.

Имея довольно интересную наружность, она успела завоевать сердце коменданта Зимнего дворца, а тот, в свою очередь, чтобы не ударить лицом в грязь, посылал ей целые возы с царской одеждой и чудеснейшими материями, благо этого добра в кладовых имелось много.

Но наибольшую роль в хищениях играл полковник Щеглин, занимавший до революции какую-то должность при Дворцовом управлении, а затем успевший втереться в доверие Керенского и назначенный им инспектором б. царских и великокняжеских дворцов.

Этот господин после прошумел при Колчаке своей авантюрой по организации партизанских отрядов в тылу красной армии. Получил на это от генерала Лебедева (начальника штаба колчаковской армии) крупные денежные суммы и ... перешел к большевикам, унося вместе с деньгами не мало секретных документов и сведений военного характера. Полковник Щеглин хищение развил оптом.

После уже передавали, что им отослано несколько вагонов с ценными вещами в Смоленскую губернию и в Москву. Куда он там девал награбленное – неизвестно. В его руки попал, между прочим, исторический столовый сервиз, на котором Александр I дал обед Наполеону со свитой в Тильзите.

Много можно было бы привести примеров, как расхищалось царское имущество при Временном правительстве, но довольно и этих.

Теперь снова перейду к большевикам.

Как-то летом 1918 года, находясь в Гатчине, я вздумал осмотреть тамошний б. императорский дворец. Комендантом его состоял мой бывший сослуживец по 6-му Латышскому Туккумскому стрелковому полку – Лапин.

В то время одна половина гатчинского дворца была занята какими-то местными учреждениями, не то ревкомами, не то военным комиссариатом.

Боже, какой вид представлял дворец!

Его исторические комнаты, тесно связанные с прошлым былого величия внезапно развалившегося государства, казались клоакой, грязными комнатами каких-нибудь китайских или японских солдат.

Отовсюду веяло запущением, вандализмом и грабежом.

Мой проводник – дворцовый комендант, открывает высокие белые створчатые двери.

– Это я вам покажу комнаты Павла I, – предупреждает он меня. – Они у нас под особым покровительством Луначарского, поэтому среди других уцелели.

Входим.

Да, нечего сказать, хорошо тут. На первый взгляд кажется, как будто, действительно, все в порядке, но при более внимательном осмотре проследживаются все безобразия, здесь устроенные.

Кабинет б. императора Николая II. Квадратная комната со стенами, обитыми темным штофом. На окнах такие же темные гардины. По середине кабинета большой массивный письменный стол красного дерева. На нем бронзовый письменный прибор с хрустальными чернильницами. Тут же несколько миниатюр. Одна из них изображает сыновей Павла – Александра и Константина.

– Стояли тут два серебряных канделябра, да кто-то украл, – рассказывает комендант.

На простенке, между двумя окнами, картина в темной позолоченной раме. Портрет самого Павла.

На противоположной окнам стене – два гобелена, а между ними пустое место с темным четырехугольным пятном на обивке.

– Там висела картина, но приехавший из Питера комиссар увез с собой. Любят тоже люди заниматься такой дрянью! – сердится комендант.

Под гобеленами овальный стол с диваном и несколькими мягкими креслами. На столе фарфоровая ваза с замечательным рисунком в итальянском стиле. Один край вазы отбит и положен тут же рядом.

Беру том французского романа. На полях книжки собственноручные отметки быв. императора карандашом.

– Хотите, берите с собой, – говорит комендант. – Все равно пропадет.

Кладу томик обратно на полку. Как-то совестно воспользоваться разрешением «власти». Правда, теперь об этом жалею, т.к. при моем вторичном посещении Гатчинского дворца от томика и след простыл.

– Красноармейцы на «цигарки» использовали, – объяснил мне тогда проводник – комиссар дворца, б. путиловский рабочий.

Теперь же интересуюсь, куда исчезло остальное содержимое шкафов.

– Да ничего там не было. Все какие-то папки с бумагами да записные книжки. Мой помощник отнес в подарок своему сынишке ...

Рядом с кабинетом спальня. В ней узкая белая кровать. Когда-то над последней стоял балдахин из красной парчи. Но в дни октябрьского переворота красногвардейцы его снесли и использовали на «галифе». Кровать покрыта голубым, поблекшим от времени, шелковым стеганым одеялом, подушек нет.

– Тоже солдаты унесли, – рассказывает комендант.

– Что здесь делалось после переворота трудно представить. Каждый брал, что хотел. Ведь сколько павловской посуды было! Теперь отдана в советские столовые, а лучшую взяли себе комендант Гатчины и местная ЧК.

Кроме кровати и стола красного дерева с несколькими стульями, в спальне больше мебели нет.

– Была, да тоже увезли в ЧК, – продолжает свои пояснения мой проводник. – На стене здесь висело зеркало в фарфоровой раме, его взял себе комиссар Гатчинского дворцового лазарета.

Когда переходим в бывш. апартаменты Марии Федоровны, то глазам открывается еще более унылый вид. Ясно чувствуется, что здесь работали не просто нуждающиеся в мебели и домашних вещах, а знатоки старины и художественных предметов.

Картины со стены сняты. Лишь голые места на стенах и шнуры указывают, что когда-то там они висели.

В одной из зал, по словам коменданта, находилось громадное панно, изображающее пастушков, пастушек и коз. Его, по особой записке Урицкого, взял и отвез в Петроград какой-то швед. Он же забрал с собой несколько картин, вынув их предварительно из рам, и ящики с бронзой и фарфором. Тот же самый швед приехал после еще раз и хотел захватить другие вещи, но так как не имел разрешения, то пришлось уйти ни с чем.

В одной из комнат, по-видимому, библиотечной, стоят ряды открытых шкафов с книгами.

Каким-то чудом последние еще сохранились.

Начинаю рассматривать.

Есть французские, английские, немецкие. Русских мало.

Большая часть из них 18-го столетия. Переплетены в толстые кожаные или сафьяновые переплеты с золотым тиснением. На полях многих отметки карандашом.

Через три месяца книг больше не стало. Гатчинский ревком их продал какому-то предприимчивому человеку на вес в качестве макулатуры ...

Фамилия этого человека – Левитан. Ныне у него в Берлине крупный антикварный магазин, устроенный, по его же словам, на деньги, раздобытые продажей купленной в Гатчине «макулатуры» ...

Кабинет Марии Федоровны. Небольшая светлая комната.

– Красногвардейцы охранной команды жили тут, – поясняет Лапин, – так, черти, не только всю обстановку стащили, но и комнату рядом сделали отхожим местом.

Так мы проходим из комнаты в комнату и куда ни взглянешь – всюду то же самое ...

В 1920 году Наркомпросом было издано распоряжение привести дворец в порядок и восстановить внутреннюю обстановку в прежнем виде.

Но где уж отыскать разграбленное!..

В конце концов на все предприятие махнули рукой, ограничиваясь лишь ... натиркой паркетных полов и заменой в окнах разбитых стекол новыми...

Осенью 1919 года советским правительством был провозглашен лозунг: «Деревне одежду и обувь, а взамен хлеб!»

Поэтому реквизировать, реквизировать и снова реквизировать.

В это же время пострадали и царские, и великокняжеские дворцы.

Из них вывозили в склады все, что только возможно было утилизировать на хлеб и что еще уцелело: посуду, одежду, кое-какую мебель, не нравящуюся большим и малым комиссарам.

Странную картину представляли эти склады собранного добра, сваленного как попало.

Фарфоровая посуда с вензелями царей и разных великих князей и княжен.

Белье, мужское и женское, с такими же отметками.

Дамские костюмы, начиная с половины прошлого столетия.

Зонтики, трости, целые коллекции трубок.

Чучела зверей и птиц.

Башмаки, ботинки, туфли, обыкновенные и бальные.

Тяжелые шелковые и плюшевые портьеры. На некоторых из них по середине изображения двуглавого орла.

Старинного образца, мехом обшитые, дамские ротонды и накидки.

Невольно забирал смех, представляя какого-нибудь вологодского или ярославского Ивана или Степана одетым в фрак, сшитый по моде пятидесятых годов прошлого столетия, или деревенскую красавицу Вятской губернии, нарядившуюся в кринолин или шелковый бальный туалет бывшей императрицы...

В Москве склад отобранных из запасов Кремля посуды, мебели, отчасти одежды и других предметов помещался по Леонтьевскому переулку.

В нем я нашел несколько тарелок и чашек с инициалами Наполеона. Видно, лежали они в кремлевских кладовых со времен бегства последнего из Москвы.

Тут же лежали груды посуды с инициалами Александра I. И много, много еще добра вмещал склад по Леонтьевскому переулку...

Все это отчасти было отправлено в деревню, отчасти перешло в руки самих же москвичей, имевших «родственные» связи с властью и мушкетерами.

Лучше всех сохранился Царскосельский дворец. Грабили и его, но внутренняя обстановка по большей части уцелела. Что же касается одежды и белья б. царской семьи, то все, что осталось и спаслось от жадных рук разных комендантов и комиссаров дворца, было еще в 1918 году взято в учет Царскосельским совдепом и с ведома Петрограда роздано семьям красноармейцев и рабочих.

IX.

За кулисами Коминтерна

Последние известия из Совдепий говорят, что дни царствования председателя исполкома III Интернационала, – Зиновьева, кончились.

Навсегда или лишь временно – вопрос другой, – пока, что факт остается фактом: всемогущий руководитель штаба всемирного коммунизма сошел со сцены и, кажется, вместе с ним целая эпоха.

Эпоха хищений, подлогов, разврата, одурачивания масс и лжи.

Эпоха почти бесконтрольного распоряжения средствами богатейшего в Советской России учреждения, работающего в мировом масштабе.

Когда миллионы людей умирали с голода, когда матери убивали и съедали своих детей, когда люди питались отбросами отхожих мест, ели глину и павший скот, когда ВЦИК и Совнарком униженно кланялись Европе и Америке, прося помощи и говоря, что своими средствами совправительство не в силах побороть бедствие, – для Коминтерна миллионные суммы всегда находились ...

Приток золота Зиновьеву с К. никогда не прекращался. Правда, один карман деньги воспринимал, а через другой они немедленно улетучивались.

Да и как не так.

Коминтерн кормил и кормит до сих пор не только своих сотрудников и агентов во всех частях света, но также длинную плеяду всевозможных личностей, не имеющих ничего общего с коммунизмом, а лишь представляющих из себя людей, умеющих, как говорят, «пользоваться моментом».

В настоящем очерке мне хочется дать несколько штрихов, рисующих закулисную сторону жизни «генерала» III Интернационала – Зиновьева.

Должен сказать, что его «подвигами» неоднократно интересовались видные русские и заграничные коммунисты, но все их усилия вывести Зиновьева «на чистую воду» оставались тщетными: друзья и приятели по партии всегда спасали положение...

* * *

– Зиновьев кристально чистый человек, – говорили одни.

– Зиновьев – растратчик и присвоитель партийных сумм, – шептали другие.

– Зиновьев слишком добрый и доверчивый человек; этим пользуются сотрудники Коминтерна и не милосердно его эксплуатируют для своих корыстных целей, – убежденно спорили третьи.

В одном только сходились мнения: Зиновьева нужно отучить от пьянства и употребления разных наркотиков, в том числе кокаина. Если это удастся, все пойдет как по маслу ...

Но Зиновьев не слушался своих увещателей: слишком высокое мнение имел он о своей личности и способностях.

На втором или третьем съезде Коминтерна ему открыто были брошены в лицо обвинения, что он своим поведением компрометирует учреждение, во главе которого стоит.

Все было напрасно: Зиновьев «генералом был и генералом остался» ...

В Питере по Литейному стоит небольшой особняк серого цвета.

Когда-то он принадлежал коммерции советнику и купцу первой гильдии Воскобойникову, а октябрьская революция вселила в него чету Поликарповых – мужа с женой.

До революции Поликарпов занимал должность не то бухгалтера, не то простого конторщика в управлении Николаевской ж. д.

Февральские дни его сразу выдвинули: Поликарпов из «канцелярской крысы» превратился в политика и страстного оратора.

Октябрьская революция дала ему еще больше: Поликарпов сделался правой рукой Петерса, а потом сотрудником III Коминтерна.

Все было бы хорошо, но тут случилось непредвиденное: деятельный сотрудник украл что-то из кассы этого учреждения и, только благодаря хорошенькому личику жены, – был не расстрелян, а просто уволен от должности.

Не имея другого занятия, Поликарпов открыл в занятом им особняке Воскобойникова подпольный ресторан.

Имея связи с властью имущими, владелец нового предприятия много не стеснялся и действовал на широкую ногу. Декреты о запрещении употребления спиртных напитков для него не существовали.

Целые дни и ночи в особняке по Литейному происходили оргии, в которых, кроме мужского, принимал участие и женский пол.

Последний Поликарповым вербовался преимущественно из разоренной революцией и обреченной на голодовку нашей русской высшей аристократии.

Со временем составилась целый ряд «красавиц», в числе которых курировали фамилии старейших русских семейств.

Неумолимая судьба толкала их в бездну поликарповского притона, сулящего в перспективе и хлеб, и одежду, и квартиру, и забытие в парах шампанского и ликеров ...

А для коммунистов, из которых преимущественно формировался контингент посетителей серого особняка, вся эта «буржуазная свара» представляла лакомую добычу.

Чаще всех притон посещал Зиновьев.

Рассказывали про его похождения в этом месте чудовищные вещи. Тут фигурировали и «танец живота», и «пляска наяд», и «греческие ночи» с наголо раздетыми «вакханками» и такими же «фавнами».

Лично я в особняке побывал всего один раз и то, что там видел, никогда не изгладится из памяти.

Было это в декабре 1919 года. Находясь по делам в Петербурге, получил приглашение от одного своего знакомого поехать «кутнуть» к «Поликарпу».

– Ну что ж, ехать, так ехать, – подумал я, и последовал приглашению приятеля.

Между прочим, в особняк не каждый мог попасть, а лишь избранные или по особым рекомендациям последних.

Подъезжая к притону, я заметил стоявшие около подъезда два или три автомобиля.

– А, наш царек уже тут! – засмеялся приятель.

– Какой это царек?

– Да предкоминтерн.

Двери открывает маленький горбатый человек, – доверенное лицо Поликарпова и заведующий его хозяйством.

Приятель шепчет ему что-то на ухо и мы беспрепятственно входим в переднюю, устроенную с примесью купеческого вкуса.

В одном углу стоит фигура медведя, держащего в передних лапах деревянное блюдо.

В другом – гипсовая раскрашенная статуя негра, поднимающего обеими руками электрическую лампу.

На полу текинский ковер, мокрый от занесенного и прилипшего к нему снега. Видно, не мало ног уж сегодня топтали его.

Одна стена занята вешалками, на которых висят мужские и дамские пальто и шубы.

Из внутренних комнат несется в переднюю смех и женский, довольно приятный голос, поет под аккомпанемент гитары какую-то популярную песенку.

Раздеваемся и идем дальше.

Нас встречает толстый пожилой мужчина с безволосым лицом скопца. Это сам Поликарпов.

Просим указать нам отдельное помещение и принести туда кое-что из закусок и напитков. Хозяин впускает нас в небольшую комнату, которая, судя по обстановке, когда-то служила гостиной.

Мягкая, шелком крытая, мебель красного дерева.

По стенам картины видных русских художников.

По-видимому, прежний хозяин особняка поощрял «родное искусство».

Через несколько минут входит Поликарпов и приносит потребованные напитки и закуски.

– А как насчет «экземпляриков»? – таинственно улыбаясь, спрашивает шепотом приятеля. – Есть несколько хорошеньких, свеженьких.

Тут он называет две или три фамилии, известные раньше на всю Россию. От этого удовольствия отказываемся.

Хозяина это ничуть не смущает и он продолжает нам рассказывать, что в других комнатах идет кутеж во всю.

Действует там сам Зиновьев с друзьями.

– С утра уже приехал. Приказал мне мобилизовать все женское царство, теперь забавляется тем, что совместно с княгиней Г. устраивает спиритический сеанс со столиком, – смеется Поликарпов. – Три дюжины шампанского уже опорожнили, теперь принялись за четвертую. Больше выливают на пол, чем в желудок.

Комната, занимаемая нами, отделена от остальных только толстой драпировкой. Все происходящее за ней ясно слышно.

Визг женщин, хохот и довольно грубые выкрики мужчин ни на минуту не умолкают.

Временами кто-то усиленно начинает перебирать клавиши пианино, кто-то танцует, громко пристукивая каблуками.

Так проходит час. Потом другой.

Шум и гам за драпировкой не умолкает, а еще усиливается.

Вдруг портьеры раскрываются и в нашу комнату не входит, а буквально вваливается ... совершенно голый человек.

Судя по лицу – армянин или грузин.

С минуту смотрит на нас как ошалелый, потом бросается к приятелю, обнимает его и начинает целовать.

– Ты, душа мой, чэго сыдышь, как юпитер, без баб ... ступай к нам! Вино будэм пить, танцовать будэм, порошок нюхать будэм!

Приятель отказывается. Долго не уступает кавказец, наконец, уходит.

Спрашиваю – что за тип?

– Какой-то армянин. Прихлебник Зиновьева. Числится в армянской секции Коминтерна, а занимается тем, что день изо дня пьянствует и портит баб! – поясняет приятель.

– Про какой это он порошок говорил?

Оказывается – что кокаин.

Поликарпов торгует им оптом и в розницу.

Проходит некоторое время. Собираемся уезжать.

Но не тут-то было.

Драпировка снова поднимается, и в комнату уже не вваливается, а лезет чуть ли не на четвереньках прежний посетитель.

Теперь на нем надеты уже кое-какие принадлежности туалета.

Глаза широко раскрыты, совершенно красные и с лихорадочным большим блеском.

– Вы, такие сякие, пойдом к нам! Сейчас Лизку вином купать будэм! Потом сами пить будэм! Пойдом, пойдом, душа мой! – хватает он меня и приятеля за руки и тащит в другое помещение.

Ничего не поделаешь, – соглашаемся и проходим в комнату рядом.

С тех пор прошло уже больше пяти лет, но картина, представившаяся нашим глазам, жива и, кажется, я ее видел только вчера.

Большая полукруглая комната вся заставлена мягкими низкими и широкими турецкими диванами. Круглый большой стол по середине. По стенам картины в толстых золоченных рамах.

С потолка спускается люстра из венецианского стекла.

На всех диванах в всевозможных позах развалились мужчины и женщины. Первые почти голые, а вторые одеты лишь наполовину.

Оглядываю лица присутствующих.

Ни одного знакомого.

Женщины, все по большей части молодые, действительно красавицы.

Видно, Поликарпов понимает в этом и губа у него не дура ...

Зиновьева я не вижу.

Садимся с приятелем на один из диванов.

Является некоторое любопытство, хочется присмотреться ближе к происходящему.

Мужчин всего человек 5-6, женщин больше. По лихорадочному блеску глаз видно, что в дело пущено не мало кокаина. Баночка с отравой стоит тут же на столе и временами то один, то другой подходит к ней, что бы снова втянуть в нос порцию этого вещества.

Чаще всего баночку тревожат женщины. Тут же на столе расположена батарея пустых и еще не тронутых бутылок шампанского.

На полу жестяная чаша со льдом. В ней также бутылки.

Теперь только замечаю, что на одном из диванов, за спинами сидящих, кто-то лежит и спит.

Это – председатель III Интернационала.

Лицо болезненно-бледное.

Одет он как следует, но по подозрительным пятнам на скюртуке и галстуке сразу видно, что желудок изъясил протест против слишком обильного восприятия жидкостей и пищи.

Наш кавказец с одной из дам старается протанцевать «русскую». Но дело не ладится, ибо ноги как у него, так и у партнерши, не слушаются. На пианино играет маленького роста миловидная блондинка.

– Это княгиня Д., – указывает по направлению ее мой приятель. – Муж расстрелян за участие в «Союз Возрождения Родины», а вдовушка, как видите, не скучает и чувствует себя прелестно!

Так ли оно?..

В другом углу кто-то из мужчин перебирает струны гитары.

Остальные занимаются кто чем.

– Товарищи, вино надо пить! – исступленным голосом кричит армянин, прекративший напрасные усилия одолеть «русскую».

В это время просыпается Зиновьев. Обводит всех нас затуманившимися глазами и ни с того, ни с сего выпускает целый поток отборнейшей ругани.

– Чэго ругаешься, тов. Зиновьев? – накидывается на предкоминтерна армянин. – Лучше, душа мой, пэй, пэй шампанское!

И подает последнему на половину опорожненную бутылку с искрящейся влагой.

Зиновьев ее схватывает и одним залпом всю выпивает, потом вскакивает, хватая за руки одну из присутствующих дам и начинает с ней кружиться по комнате. Не танцует, а просто так кружится.

– Товарищи, Лизку купать будем? – кричит высокий человек с полумонгольскими косыми глазами, одетый в костюм Адама.

– Конечно, надо! – поддакивают ему остальные, вопросительно смотря на Зиновьева.

Тот сначала, как будто не понимает в чем дело, потом делает знак рукой Поликарпову, после чего последний немедленно куда-то исчезает.

Проходит несколько минут.

Маленький горбатый человек вносит в комнату круглый деревянный чан, вместимостью ведер 5-6.

За ним спешит хозяин с полными бутылками шампанского.

– Валяй пять дюжин! – кричит ему Зиновьев. – Коммунист это дело умеет устраивать!

– Молодэц, душа мой! – подбегает к Зиновьеву и обнимает его армянин.

Через десять минут чан наполнен на половину и в него, смеясь и огрызаясь на, довольно вольные, шутки окружающих, влезает высокая полная брюнетка.

Тут уж начинается настоящая вакханалия.

Но об ней я лучше умолчу: слишком дико было все происходившее.

Слишком невероятным казалось, что в центре этой оргии стоял человек, имя которого стоит во главе коммунистов, играющих мировую роль.

* * *

Прошло с полгода. Дела заставили меня снова приехать в Петербург.

Учреждение Поликарпова не удалось навестить, но от своего приятеля услышал историю, достойную, чтобы вкратце передать.

Произошла драма.

Семейная драма. Местом действия был все тот же притон по Литейной, а действующими лицами – муж, жена и поклонник последней.

Амплуа двух первых играли сотрудник Коминтерна с супругой, красивой пикантной женщиной, а роль поклонника взял на себя Зиновьев. Содержание драмы началось с того, что предкоминтерн влюбился в жену своего подчиненного и получил обратную любовь. Свидания сначала устраивали в квартире Зиновьева, а потом перенесли в особняк Поликарпова.

Все шло, как по писаному.

Но только до поры, до времени.

Пришел день, когда ревнивый муж заметил, что с женой происходит что-то неладное.

Начал следить за ней и установил, что вторая супружеская половина слишком часто навещает особняк по Литейной.

Чтобы установить истину, забрался сам туда за ней и ... дело кончилось трагично: виновник в соблазнении чужой жены должен был пролежать с неделю на кровати с не весьма удобными перевязками и компрессами на голове...

Советские же газеты в это время печатали тревожные сведения, что тов. Зиновьев заболел гриппом и временно не в силах руководить всемирным движением коммунизма...

Это не сказка, а факт.

Х.

Как большевики «отблагодарили» проф. Жуковского

В Омске в прошлом году, приговору революционного трибунала, расстрелян профессор Томского университета Н. И. Жуковский.

Расстрелян человек, благодаря которому в свое время были спасены от неминуемой смерти десятки тысяч людей.

Человек, весь свой век проведший в тиши кабинета за научными работами и изысканиями.

И все-таки его расстреляли за «контрреволюционную» деятельность, за «организацию белогвардейского заговора» ...

* * *

Было это в начале 1920 года. Уже больше месяца Омском распоряжались советские власти.

Происходили аресты, расстрелы, истязания.

Председатель Сибчека Уралов, садист и кокаинист, работал во всю.

В каждую ночь на льду на Иртыше раздавались выстрелы и каждая ночь уносила через прорубь под лед десятки трупов.

Но все это померкло перед другим, более страшным властелином – тифом, который начал свирепствовать еще при Колчаке, а после отступления последнего, принял такие угрожающие размеры, что, казалось, всякая борьба с ним становилась бесцельной.

Главными распространителями болезни были колчаковские солдаты, полуголые, голодные, сдававшиеся целыми полками и дивизиями в плен. Устроить их в более-менее сносные условия не было не малейшей возможности. Толпы этих несчастных людей наводняли деревни, села и города. Омск был ими буквально набит.

И тут-то тиф нашел себе хорошую почву.

К колчаковцам присоединились австрийские военнопленные, которых в лагерном городке около Омска насчитывалось не менее 15 тысяч.

Положение их было не лучше. Паек выдавался неаккуратно и небольшой. Не хватало белья, одежды, обуви.

Дальше эпидемия перебросилась на городское население и не было дома, квартиры, где не лежали бы больные или уже остывшие трупы ...

А медикаментов не хватало. Не доставало самого главного – камфоры и дезинфекционных средств.

Без этих двух – борьба с тифом немислима.

На скорую руку была учреждена чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом, но и она без медикаментов оставалась пустым звуком в лесу. В эту чрезвычайную комиссию («Чека-тиф») входил и я.

Тут-то пришлось встретиться с глазу на глаз со страшной действительностью.

В Омске ежедневно умирали от 800 до 1000 человек. Почва замерзла глубоко, тела не успевали закапывать и скоро на кладбище близ Казачьего городка образовались гряды из голых трупов длиною саженой 20, а вышиною около сажени ...

Кошмарное зрелище представляли подводы с мертвецами, когда они в лунные ночи гуськом тянулись в сторону кладбища ...

На каждой подводе увозили по 15-16 тел. А там, на кладбище, их встречали своры грызущих и громко лающих собак, оспаривающих одна у другой первенство распоряжения свежей прибывшей добычей ...

Ох, эти собаки толстые и злые, откормившиеся на человеческом мясе.

В это время явился спаситель.

Как сегодня помню этот зимний вечер, когда после объезда госпиталей, я усталый вернулся домой и собирался было идти спать.

В это время доложили, что меня желает по срочному делу видеть какой-то старичок.

Приказал просить.

В комнату, как-то неуклюже бочком, вошел маленького роста человек.

С длинной седой бородой. Такие же длинные, седые брови нависли на глаза. Большие голубые глаза, в которых светилась доброта и ум, великий ум.

– Что вам угодно? Чем могу служить?

– Простите, что потревожил вас так поздно. Но днем заходить не смел. Моя фамилия Жуковский. Бывший профессор Томского университета, ныне человек без определенных занятий, даже без квартиры, ибо моя занята красноармейцами.

Я подал профессору стул.

– Я долго колебался, прежде, чем решился зайти к вам. Ведь меня ищут арестовать. В Сибчека кто-то донес, что будто бы я при Колчаке играл какую-то роль советника, а я с ним виделся всего раз и то по делу Омского политехнического института. Вообще, политика меня не занимает. Знаете, не могу равнодушно смотреть на то, что творится кругом. У вас нет камфоры и дезинфекционных средств. Если вы мне можете гарантировать свободу личности и действий, я вам дам и то, и другое.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что профессор давно уже обратил внимание на то обстоятельство, что скорлупа кедровых орехов содержит вещество, действие которого аналогично с камфорой. Для извлечения этого вещества требуется лаборатория и прессы не особенно сложного устройства. Великолепное дезинфекционное средство для белья и одежды

можно получить из коровьей мочи, которая при нагревании и переработке при помощи серной кислоты дает какой-то острый состав, моментально убивающий паразитов и обезвреживающий одежду и белье против них и на будущее.

О предложении профессора я на другой же день сообщил председателю сибирск. революционного комитета Смирнову, сделали первый опыт. Результат вышел блестящий и проф. Жуковского пригласили в состав Чека-тифа.

Устроили две-три лаборатории, снабдили всем необходимым и, так как недостатка в кедровых орехах и сыром материале для приготовления дезинфицирующего средства не было, то работа закипела.

С появлением профессорских медикаментов, уровень заболеваний тифа начал быстро падать и через два месяца болезнь почти совсем прекратилась.

Николаю Ивановичу была предложена должность заведывающего сибирским отделением народного комиссара здравоохранения, но он от такой чести отказался и снова уединился в своем кабинете, кстати, по распоряжению военных властей освобожденный от постояльцев-красноармейцев.

А ныне его уже больше нет, этого скромного маленького человека с голубыми, умными и добрыми глазами, длинной седой бородой ...

Нет больше профессора Н. И. Жуковского, остались лишь его убийцы ... В числе последних, может быть, люди, которым он своими кедровыми орехами спас жизнь ...

Газетная кампания вокруг Пирро и его «Записок»

А. Пирро и газетная спекуляция³

Прежде, чем приступить к печатанию разоблачений быв. комиссара А. Пирро, выпущенного из Рижской центральной тюрьмы и предложившего редакции «Слова» свои записки, редакция произвела самые подробные и тщательные расследования в соответствующих учреждениях, которые, по долгу службы, интересовались и интересуются прошлым и настоящим А. Пирро.

Однако, редакция «Слова» совершенно не предполагала, что в Риге, кроме соответствующих учреждений, существует еще особая полиция газетных нравов.

Эта полиция нравов в лице газ. «Сегодня», следя за очерками А. Пирро, долгое время хранила молчание и не возмущалась и тем фактом, что некоторые русские газеты за рубежом перепечатавали отрывки из очерков А. Пирро.

И только после таинственного посещения А. Пирро редакции «Сегодня», где между редакцией и Пирро происходили какие-то ни нам, ни читающей публике неизвестные переговоры (окончившиеся неудачно), газета открыла кампанию в пользу чистоты газетных нравов, будто бы препятствующих и не допускающих печатания материалов сомнительных и одиозных личностей в порядочной газете.

Мы прекрасно знали прошлое А. Пирро и это- то прошлое, изложенное в его записках, как страшный человеческий документ наших страшных дней и побудило редакцию «Слова» приступить к печатанию записок Пирро с оговоркой, что «редакция не берет на себя никакой ответственности ни за содержание статей Пирро, ни за личность их автора». Мы считали и считаем, что не дело печати вмешиваться в компетенцию сыскных органов полиции, которая и без газ. «Сегодня» давным-давно «опознала» Пирро.

Для всякой газеты в мире интересный информационный материал, в частности уголовный, важен и запискам преступников газеты всего мира отводили и отводят свои столбцы, конечно, не считая их своими «сотрудниками».

Полиция газетных нравов, в целях ли газетной коммерции или ради собственной рекламы, предпринявшая свои запоздалые «разоблачения»,

³ Статья опубликована в газете «Слово» (1926, №79)

наши оговорки о характере записок и личности их автора (см. «Слово» №64 от 30 января с. г.) сочла нужным обойти молчанием.

Полиция газетных нравов, ежедневно разыгрывающая оскорбленную невинность и исторгающая из себя вопли плохо наигранного ужаса, или не знакома с газетными прецедентами, или умышленно не упоминает о них.

Прецедентов же, не только в мировой, но в русской печати – более чем достаточно.

В. Л. Бурцев отнюдь не считал зазорным пользоваться материалами и разоблачениями для своего «Былого» от различных агентов-провокаторов и охранников, типа Бакая или Жученки. Только эти разоблачения и позволили Бурцеву окончательно раскрыть гнуснейшую провокацию Азефа.

Почтенный историк проф. С. П. Мельгунов, редактор «Голоса Минувшего», а ныне журнала «На чужой стороне», также не считал неприличным добывать и печатать в «Голосе Минувшего» записки пресловутого Илиодора, личности, во всяком случае, не менее одиозной, чем Пирро. И не только напечатать эти записки, но и сообщить в «На чужой стороне», как он «охотился» за Илиодором и как добыл эти записки.

Наконец, всего только 4 месяца тому назад в нью-йоркском «Новом Русском Слове» были напечатаны разоблачения Гордина-Новомирского, быв. члена петербургского революционного трибунала, личности кровавой и не большей святости и чистоты нежели Пирро.

Значительная часть этих записок была перепечатана русскими заграничными газетами без воплей ужаса, знаков негодования, потому что и записки Гордина-Новомирского и записки Илиодора, также перепечатывающиеся русскими газетами, представляют воистину ценные документы, мимо которых не может пройти без внимания ни одна новая газета.

Мы скажем больше. Если бы редакции «Слова» предложили свои мемуары и записки, воспоминания или дневники корнет Савин, Ольга Штейн, Сонька Золотая Ручка, Распутин, Дзержинский или сам Петерс, мы напечатываем их материалы так же охотно, как это сделала бы любая газета: «Чикаго трэбюн», «Матэн», или прежняя «Копейка», или «Раннее Утро».

Мы идем еще дальше.

Если бы одному из издателей газеты «Сегодня», ратующей за целибат печатного слова, когда-нибудь вздумает «раскаяться» и «проклясть» свою службу в т. н. «русско-датском красном кресте» в 1919 г. в безумные годы владычества Стучки в Риге, если издатель-моралист предложил бы нам свои, без сомнения, интересные мемуары об этой жуткой эпохе, мы не отказали бы и ему в напечатании мемуаров и с приложением даже фотографии «с бородой» и «без бороды» (по желанию).

«Бразильский консул» Альберт Пирро в Риге⁴

Во вчерашнем номере «Сегодня Вечером» под заголовком «Провокатор, чекист, знаменитый «бразильский консул» Альберт Пирро в Риге?» сообщается, что в Риге в настоящее время находится некий Альберт Пирро, повествующий в одной из местных газет о подвигах виднейших большевиков и чекистов, с которыми он был близок.

Всем жившим в Киеве в кошмарное лето 1919 года известна ужасающая история «бразильского консульства», организованного там Альбертом Пирро с целью привлечения доверчивых людей, желавших выбраться за границу, и передачи их в руки чека. Множество этих невинных жертв было тогда расстреляно.

О «бразильском консульстве» много написано в «Красном терроре» Мельгунова, в «Архиве Русской Революции», «На чужой стороне». Впрочем, даже эти подробные описания еще не дают полной картины того исключительного по подлости и жестокости дела, организатором и исполнителем которого было лицо, именовавшее себя «графом» Альбертом Павловичем Пирро.

В печатаемых ныне в Риге своих «мемуарах» друг известнейших чекистов Эйдука, Ксенофонтова и мн. др. Альберт Пирро «раскаивается и проклинает», уверяя читателей, что кровавый «бразильский консул» Альберт Пирро и он, чекистский друг Альберт Пирро, – разные лица, что он лишь по совету своих друзей подал прошение о назначении его бразильским консулом в Киеве, но потом раздумал и послал Раковскому отказ, после чего под его фамилией в Киеве был назначен какой-то румын.

Это маловероятное объяснение, по мнению «Сегодня Вечером», лишь подкрепляет циркулирующие в Риге слухи, что мемуары «Я раскаиваюсь и проклинаю» имеют своим автором кошмарную киевскую знаменитость. «Было бы очень желательно, – пишет «Сегодня Вечером», – что бы издание, давшее место показаниям Пирро и его реабилитации, напечатало портрет этого лица и дало бы возможность установить правду о Пирро. Редакция «Сегодня», куда Альберт Пирро тоже явился, но встретил соответствующий прием, готова поместить портрет этого лица в интересах выяснения истины.»

Перепечатывая сообщение «Сегодня Вечером», редакция «Сегодня» просит всех лиц, имевших непосредственное и, конечно, сохранившееся в их памяти соприкосновение с «бразильским консулом» Альбертом Пирро, сообщить возможно подробное описание его внешности.

⁴ Опубликовано в газете «Сегодня» (1926, №34, 12.02.)

Чекист-provokator Пирро опознан. Установлено, что «бразильский консул» Пирро находится в Риге⁵

Итак, «бразильский консул» Альберт Пирро живет сейчас в Риге.

Не только существует, не только живет на свободе, но даже занялся литературной деятельностью, «раскаивался» будто бы в дружбе с чекистами (но не в своей чекистской работе, что, впрочем, тоже малого стоило бы) и выступал в одной газете с какими-то «разоблачениями» своих бывших сподвижников и... Максима Горького. Как ни относиться к Горькому, все же не Альберту Пирро предоставлять место для разоблачений Горького.

Все имеющиеся данные говорят за то, что «раскаивающийся» Альберт Пирро и является тем знаменитым «бразильским консулом», на совести которого лежит гибель в большевицком застенке многих доверчивых людей, пытавшихся в свое время выбраться из советского Киева за границу. Но для совершенно несомненного установления тождества этого лица, с киевским «деятелем» помещаем его фотографии. Необходимо прибавить, что со дня нашего первого сообщения о Пирро прошло четыре дня, но своих снимков он не прислал. Не поместила их также газета, оказывающая ему гостеприимство.

Снова просим лиц, имевших в Киеве соприкосновение с «бразильским консулом», сообщить нам – соответствует ли его внешность помещенным нами снимкам. Лицам, имевших несчастье видеть в Киеве Альберта Пирро, если в полученном ими номере «Сегодня» снимки воспроизведены недостаточно удачно, могут быть высланы отдельные отчетливые оттиски.

«Характеристика» Пирро

Сведения, полученные нами из компетентного источника, дополняют характеристику этого человека.

Приблизительно шесть лет назад Альберт Пирро прибыл из Сов. России в Ковно. Высланный вскоре из литовской столицы он переехал на жительство в Ригу.

Деятельность его тотчас же привлекла внимание рижской полиции. Ряд дел криминального характера привел его на скамью подсудимых. По приговорам суда Альберт Пирро был неоднократно приговорен к тюремному заключению на различные сроки. В дальнейшем, вызвав подозрения и в политическом отношении, он не был арестовываем в порядке административном.

Альберт Пирро в последние годы – неизменный и постоянный клиент различных органов рижской полиции. Его пребывание на свободе ограни-

⁵ Эта и следующие заметки опубликованы в газете «Сегодня» (1926, № 37, 16.02)

чивалось короткими сроками. В настоящее время, отбыв срок наказания, он находится на свободе.

Альберта Пирро в авторитетных органах характеризуют, как типичного авантюриста, лишённого каких бы то ни было нравственных устоев, но достаточно бойкого и развитого. Ему приблизительно сорок лет.

Его связь и работа в большевистской России, в первый период революции, установлена. Имеются кое-какие данные о его замаскированном участии в приснопамятных рижских большевицких днях 1918 года, конечно, на стороне большевиков.

А. Пирро – сотрудник (?) «Нового Времени»

В связи с нашими разоблачениями личности «графа Альберта Павловича Пирро», нам сообщают о визите г. А. Пирро в редакции ковенских изданий.

В декабре 1924 г., в скромное помещение редакции журнала «Балтийский Альманах» в Ковно явился грузный, высокого роста господин в шинели военного образца, с круглым, полным лицом. Отрекомендовался он так:

– Пирро, бывший сотрудник «Нового Времени» и дальневосточных газет. Был в редакции ковенского «Эхо», но там приняли средне. Просил бы о помощи...

Редактировавший этот журнал Евгений Шкляр и издатель А. С. Рискин, никогда не слышавшие фамилии Пирро, выдали все же ему, как быв. сотруднику «Нов. Врем.», 8 долларов. Но вслед за этим были смущены внезапным предложением «высланного из Латвии за политические убеждения»:

– Знаете ли, у меня в Риге имеются мемуары – но знаете чьи, – тут он шепотом добавил, – самого Николая II. Я сам в Латвию вернуться не могу, – поэтому напишу письмо о высылке мемуаров, а пока дайте мне аванс.

Чем больше говорил Пирро о своем прошлом, тем больше подозрений начала внушать его личность. Оказывается, он был на Украине и в Харькове, и в Киеве, и даже на Дальнем Востоке.

После этого А. Пирро внезапно исчез из Литвы, а редактор, заинтересованный, каковы окажутся эти подозрительные «мемуары», получил письмо, адресованное А. Пирро, обратно, с лаконической надписью:

L'adresse inconue.

Теперь в Риге Пирро нашел издание, приютившее если не «мемуары» Николая II, то его собственные «воспоминания».

Внешность провокатора Пирро. (Первый отклик на обращение «Сегодня»)

В номере «Сегодня» от 12 февраля мы обратились ко всем лицам, имевшим соприкосновение с «бразильским консулом» Альбертом Пирро в Киеве, с просьбой сообщить возможно подробное описание его внешности.

Вчера мы получили первый отклик на наше обращение.

От лица, хорошо известного редакции, действительно соприкасавшегося с Пирро во время его провокаторской деятельности в Киеве, и, благодаря счастливому случаю, уцелевшему от расстрела, ныне находящемуся за пределами Сов. России, мы получили письмо, в котором, между прочем, говорится:

... «Вот уже шесть лет, как я твержу, что еще будет день, когда я встречу с «консулом»-провокатором. Ныне предчувствие мое сбылось.

Лицо, именуемое Альбертом Павловичем Пирро, бывшее в Киеве знаменитым «бразильским консулом», было очень высокого роста, широко в плечах, с большими и длинными руками и ногами, неуклюжей походкой. Это был темный блондин с голубыми глазами, с большим носом с горбинкой. Говорил он с иностранным акцентом и, несомненно, был латышом. Носил он тогда бородку, маленькую клинышком. Теперь ему должно быть около 40 лет. Я берусь узнать его в любой толпе, так как хорошо знаю его рост и фигуру. Кроме меня, его хорошо знают следующие лица, живущие вне Сов. России (автор письма сообщает нам ряд фамилий с адресами, которых мы, по понятным соображениям, пока не публикуем).

Пирро производил впечатление полуинтеллигента, вряд ли владеет французским языком и по-немецки говорил тоже не важно. Но по-латышски он говорил очень хорошо. Когда я был арестован, благодаря Пирро, и сидел в киевской чрезвычайке, он являлся каждый вечер к тогдашнему председателю всеукраинской чрезвычайки Лацису и говорил с ним по-латышски. Я сидел тогда в камере смертников, и нас тогда никто не стеснялся. Из нашей камеры хорошо были слышны разговоры Пирро.

Служившим в «бразильском» консульстве Пирро рассказал, что он «жил долго в Риге и учился в Юрьеве в университете, но университета не окончил».

В дальнейшем, — пишет автор письма, — я охотно сообщу редакции «Сегодня» все сведения по поводу провокационной деятельности Пирро. Если нужно будет, я готов бросить все свои дела и приехать в Ригу, чтобы лично опознать этого негодяя-провокатора».

* * *

Как уже сообщалось в «Сегодня», Пирро имел наглость явиться в редакцию нашей газеты с предложением своих разоблачений о видных боль-

шевиках и чекистах. Разговор с Пирро происходил у нас в редакции в присутствии трех лиц, хорошо запомнивших его наружный вид. И все эти три лица единогласно утверждают, что выше приведенное описание наружности Пирро, присланное безусловно достоверным свидетелем, находящемся в Риге, вполне совпадает с наружностью того Альберта Пирро, который сейчас находится в Риге, сотрудничает в одной из местных газет и являлся к нам в редакцию.

Таким образом, уже теперь нет никаких сомнений в том, что в Риге находится негодяй-provokator, «бразильский консул» Альберт Пирро. Теперь, когда мы, вопреки желанию Пирро, располагаем его фотографиями, мы разошлем их по сообщенным нам адресам и не сомневаемся в том, что число свидетелей, опознавших provokatora-чекиста, таким путем только увеличится.

Provokator A. Пирро на свободе⁶

В свое время за вредную противогосударственную деятельность был арестован чекист-provokator Альберт Пирро, заключенный в рижскую центральную тюрьму.

Некоторое время тому назад Пирро подал новое прошение об освобождении. Proшение было удовлетворено и на днях сделано распоряжение освободить чекиста Пирро из заключения. Пирро поставлен в известность, что в случае его дальнейшей provokacionной деятельности к нему опять немедленно будет применен закон Керенского.

⁶ Опубликовано в газете «Сегодня» (№ 46, 26.02)

Л. Л-а

Очерки жизни в Киеве в 1919-20 гг. ой⁷

Граф Пирро

[...] Мне жилось в Киеве при большевиках относительно легче, чем остальным. Объясняется это тем, что неожиданно для самой себя я очутилась служащей Китайского Исполнительного Комитета и Союза Китайских граждан; впрочем, так это учреждение называется теперь, а прежде, когда я в него поступала, это было просто Китайское Консульство.

Случилось это вот как. В день прихода в Киев Советской власти, в первых числах февраля 1919 года, половина нашего дома была реквизирована штабом какой-то дивизии или полка, не помню. Пришли они рано утром, человек 15; отделили для себя, разумеется, не спрашивая нас, несколько парадных комнат, а нам разрешили оставаться в наших спальнях. Обещали, что нас стеснять ни в чем не будут, лишь бы им не мешали работать; словом, мы остались очень довольны нашими новыми постояльцами.

Вечером я сидела одна в столовой, брат же домой не вернулся, а из соседних комнат доносились смех и пенье, там, очевидно, было очень весело. Действительно, солдаты ограбили какой-то буржуйский погреб, перепились и вскоре один из них явился в столовую ко мне делегатом: «Чего ты, бабочка, одна сидишь, иди в наши апартаменты чай пить». Я обещала сейчас прийти и незаметно черным ходом, захватив почему-то, даже и теперь не могу понять почему, котиковую шапку брата, улизнула из дому.

Дело было зимой, вечером, в первый день занятия города большевиками; на улицах было пустынно и жутко, и я решила зайти в ближайший к нам дом моего дяди, где помещалось Китайское Консульство. Перед своим бегством в Одессу, мой дядя, по примеру прочих, пожелал заручиться какой-нибудь охраной для своего имущества. Вспомнил об этом слишком поздно, все европейские консулы уже разместились по особнякам в Липках, и на его долю никого не оставалось. Кто-то сказал ему, что на окраине города, на Васильевской, кажется, улице живет китаец, по всем видам, — консул, и будет, вероятно, очень рад найти лучшее помещение. Мой дядя немедленно поехал за ним, привез на извозчике и водворил у себя. Последние дни перед отъездом и семья дяди, и все мы, бывавшие там, не переставали ухаживать за консулом. Я и теперь не могу вспомнить без смеха наших разговоров. «А что, чаю много пьют в Китае?» — осведомлялись мы по очереди. «Цай? пьют цай; китайцы очень рюбят цай». Его манера не выговаривать

⁷ Опубликовано в: Архив русской революции, т.3, Берлин, 1921, стр. 210-216

большинства букв, произносить *p* вместо *л*, которое вообще отсутствует в китайском языке, а, в особенности, его необыкновенно комический внешний вид забавляли нас, а он добродушно смеялся вместе с нами, не понимая причины нашего веселья.

Вот, под охрану к этому мандарину, я и отправилась теперь, в трудную минуту.

Китаец принял меня в высшей степени приветливо, пригласил также по телефону моего брата, и мы остались жить там. Для большей правдоподобности я стала корреспонденткой, а брат – юрисконсультom консульства. Кроме нас двух, штат состоял из консула самого, его лакея-китайца (бывшего впоследствии одно время его заместителем) и молодого человека, – которого дядя перед отъездом поместил в одной из комнат, – произведенного теперь в секретари. Впрочем, киевляне вскоре все узнали о существовании нашего учреждения; консул, по своему добродушию, никому не отказывал, и число служащих очень увеличилось. Появились врачи, корреспонденты, машинисты, курьеры, заведующие канцелярией, всего по несколько экземпляров. Многие поселились в доме, благо пустых комнат много было, и кончилось дело так, что однажды, поздно вечером, когда мы, собравшись все вместе, расспрашивали консула, любят ли китайцы чай, у подъезда позвонили. Курьеры, врачи и корреспондентки попрытались, вышел отворить лакей-китаец. Выяснилось, что пришли из Чрезвычайной Следственной Комиссии за скрывающимися в консульстве частными людьми. Консул нас не выдал, поехал объясняться, но в результате число служащих принужден был сократить. Зато оставшиеся стали пользоваться полной безопасностью.

В то время большевикам никто еще не угрожал, французская авантюра лопнула, добровольцы были загнаны далеко на Кавказ, и Советская власть чувствовала себя очень крепко. Как и всегда в такое время, они особой жестокости не проявляли, расстрелов почти не было, а занимались они, главным образом, тем, что выматывали у населения душу своими приказами. Первый знаменитый приказ был о выселении буржуев из их квартир в лачуги и о вселении туда бедноты. Последняя отнеслась к этому очень недоверчиво, и мне лично кажется, что вселить бедноту и выселить буржуазию было одинаково трудно. Буржуев вообще не нашлось. Все жители города Киева оказались честными тружениками в деле насаждения и укрепления Советской власти, все были снабжены бумагами, ни к кому не придерешься!

Я пропускаю весь этот период, как не представляющий особого интереса для читателей, потому что такие большевистские приказы знают, в сущности, все, а мне хочется остановиться на одном эпизоде, который рисует довольно ярко способы борьбы с буржуазией, практиковавшейся в Совдепии.

Это было позже, летом 1919 года, когда началось наступление добровольцев. Непосредственной угрозы Киеву еще не было, но Советская власть

насторожилась и решила взяться, как следует быть, за борьбу с контрреволюцией.

Однажды вечером наш богдыхан явился домой в особенном возбуждении. Понять что-нибудь из его речи было довольно трудно, но после долгого и терпеливого усилия мы выяснили, что число представителей иностранных государств в Киеве увеличилось. Приехал назначенный туда консул Бразилии граф Пирро, и через несколько дней мы устраиваем банкет в его честь. Будут все представители Европы и Азии, а так как я хорошо знаю английский язык, то занимать его сиятельство, посла Бразилии, буду я.

Мои знакомые, которым я рассказала о высокой чести, выпадающей мне на долю, стали относиться ко мне с особым почтением. Некоторые просили доставить им места в новом консульстве, которое должно было только организовать и будет нуждаться в служащих. Особенно приставал ко мне один мой приятель, недавно только сидевший в Ч. К. за то, что имел сахарный завод, и больше там сидеть не хотевший. У него были, правда, доказательства, что он вовсе не сахарозаводчик, а скромный ученик драматической студии, но ему хотелось чего-нибудь повернее: артистам большевики перестали доверять, что-то уж очень много их оказалось.

Я обещала, что если Его Бразильское Сиятельство вообще снизойдет до разговора со мной, то я попрошу о месте для него. Словом, ждали мы с большим нетерпением, и вот, наконец, наступил торжественный день.

С утра мы все были в приподнятом настроении. На банкете в честь послов мы никогда не бывали, а при большевиках всякое развлечение особенная редкость. Приехал именитый гость с большим опозданием. На террасе в саду собрались уже представители всех держав и всячески выражали свое удивление по этому поводу. Наш консул, имевший особенно комический вид в белом шелковом костюме, не находил себе места. Человек он был с очень большой амбицией, и еще немного, вероятно, предложил бы мне, как корреспондентке, писать приказ о мобилизации в Китае. Наконец, в припадке негодования, он совсем ушел из дому. Гости тоже собирались расходиться, как вдруг появился граф Пирро.

Я приветствовала его на английском языке, но он прервал меня, сказав, что хорошо понимает по-русски и не хочет утруждать меня разговором на чужом языке. Разыскался и представитель Небесной Империи, и мы все пошли к столу.

Как я уже сказала, занимать высокого гостя выпало на мою долю; всякий легко поймет, что приступила я к этому не без некоторой робости. Я считала нового консула человеком очень большевистского направления и высказывать открыто свои мысли побаивалась. Кроме того, меня несколько смущал его странный тон и манера держать себя за столом. Впрочем, не меньше обращаться с ножом и вилкой можно было, пожалуй, отнести на счет

его бразильского происхождения. В самом деле! Почему я знаю? Может быть, в Бразилии принято есть варенье ножом.

Разговор между нами, разумеется, начался с того, где лучше – в Бразилии или России, и хорошо ли в Бразилии вообще. Граф отвечал с большой готовностью и сейчас же дал мне понять, что раньше ему в России очень нравилось, а теперь, увы, уже не то. Этой темы я развивать не хотела и перешла к тому, как хорошо он говорит по-русски. Это даже не было лестью с моей стороны. Я помню, как искренно удивилась, когда на предложение китайца налить ему вино граф добродушно отвечал: «Валяйте, валяйте, голубчик». В ответ на высказанное мною удивление граф объяснил, что жил в России очень долго и потому привык к некоторым чисто русским оборотам речи, но зато есть слова, представляющие для него непреодолимые затруднения.

«Какие же, например?» – любопытно спросила я, ожидая услышать что-нибудь очень сложное.

«Да вот, хотя бы: вилка. Никак сказать не могу».

Вилка! Такое легкое слово, казалось бы! Но у графа, действительно, получалось «филька». Это было тем более странно, что все остальное он произносил с даже непривычной для моего Киевского уха чистотой речи. Но все эти мелочи я вспомнила только потом. Граф пил очень много и был очень весел. Воспользовавшись этим, я решила исполнить данное мной обещание и осведомилась, есть ли в Бразильском консульстве свободные вакансии.

«Никого у меня еще нет, – оживленно сказал граф. – Вот не посоветуете ли вы кого-нибудь? Я ведь здесь совсем чужой!»

Такой удачи я никак не ожидала и, разумеется, ответила, что если граф согласен положиться на мою рекомендацию, то я могу предложить ему опытного секретаря.

«Неприменно, непременно! Да вот, еще корреспондентка нам нужна. Не хотите ли вы взять это место?»

«Нет, не могу, я ведь уже состою на службе в Китайском консульстве».

«Ах, да, правда! В таком случае посоветуйте мне кого-нибудь, только, – тут граф нагнулся ближе ко мне и, продолжая в конфиденциальном тоне, – только не большевиков. Вам я могу сказать по секрету – я их ненавижу!»

«Во всяком случае, не больше моего, – радостно отозвалась я. – Можете быть совершенно спокойны, я вам дам буржуев чистойшей воды».

«Ну да, буржуев и вообще контрреволюционеров. Ведь у меня они все будут в полной безопасности».

Я была в восторге от моего нового знакомого. Мы условились, что на следующий день в 10 часов утра новый секретарь будет уже на службе, и заговорили о другом. Под влиянием моей благодарности графу я решила даже закрыть глаза на то, что, как выяснилось из дальнейшего разговора, он когда-то съел на пари сразу шесть гусей.

«Мало ли, что можно соврать под влиянием вина, – думала я, – а все-таки он хороший человек, и у него можно будет многих устроить».

Обед подходил к концу, граф пил и веселился все больше и больше.

Наконец встали.

«Мне нужно вам кое-что сказать, не отойдете ли вы со мной в сторону», – с этими словами обратился ко мне мой второй сосед за столом, пожилой человек, служащий одного из консульств, ныне трагически погибший.

«Вы так были поглощены графом Пирро, что меня совсем не заметили, – улыбаясь, сказал он, – а между тем, я хочу вам дать хороший совет. Не поступайте к нему на службу. Об этом, кажется, у вас речь шла?»

«Я и не собиралась, – удивленно отвечала я, – поступает один мой знакомый».

«Ну, вот видите! Так знаете что? Послушайтесь старого человека и не посылайте к нему вашего знакомого».

«Да отчего же?»

«Это все равно, отчего. Не спрашивайте меня ни о чем, я вам все равно не отвечу. А дальше поступайте, как хотите. Я свой долг исполнил».

Я призадумалась. Очень уж соблазнительно было это место для моего балансировавшего над Ч. К. знакомого, но и в тоне моего нового собеседника звучало что-то внушавшее доверие к нему. Я решила никого на службу в Бразильское Консульство не определять и обещала ни перед кем не упоминать о данном мне совете.

Прошло несколько дней; и вдруг на всех улицах города Киева появилось расклеенное объявление о том, что граф Пирро снабжен особыми полномочиями и что все служащие Бразильского Консульства находятся под особым покровительством Советской Республики.

Меня чуть камнями не забросали. Как! я знакома с графом Пирро и не могла никому ни в чем помочь, никого к нему определить!

«Да вы просто не хотели, – говорили мне. – Сказали бы лучше прямо, что оставляете эту протекцию на всякий случай для себя. Так не поступают».

Приходилось, скрипя сердце, отмалчиваться. Я, впрочем, и сама не была убеждена в том, что поступила правильно, не использовав ни для кого всех имевшихся у меня возможностей.

Между тем, дела большевиков стали хуже. Добровольцы наступали, и в связи с этим террор усилился. Хождение по улицам было разрешено только до одиннадцати часов вечера. Однажды ко мне пришла моя знакомая. Арестовали ее брата, ему угрожало быть расстрелянным или, в лучшем случае, увезенным заложником в Москву, и она просила меня поговорить со всемогущим бразильским графом. Я не могла и не хотела ей отказать и позвонила ему по телефону, – просить об аудиенции. Он подошел сам, я тотчас же узнала его голос.

«Графа нет дома», – сказал он мне.

«А когда он придет?»

«Не знаю, придет ли сегодня вообще, а кто говорит?»

Я назвала себя.

«Ах, так, ну что же, приходите».

«Да ведь его дома нет?»

«А вы придите в одиннадцать часов, тогда застанете», – смеясь ответил он мне.

Я повесила трубку и извинилась перед моей знакомой в том, что ничего не могу сделать.

С графом Пирро мне лично больше сталкиваться не приходилось, а что произошло дальше, я думаю для читателей ясно вполне. В Бразильское Консульство действительно поступило много людей, считавших себя, ввиду усилившегося террора, в особенной опасности. Граф Пирро всех принял с распростертыми объятиями, и все они были в свое время арестованы и, по большей части, расстреляны. В числе прочих погибла г-жа Поплавская, совсем еще молодая женщина, служившая у него, кажется, секретарем. Граф Пирро, зная, что у нее муж во Франции, предложил ей туда поехать, возможность ее туда послать у него была, а так как он выдавал себя за яростного врага большевизма, то предложил ей взять с собой какой-то будто бы необходимый там шифр. Они вместе выбрали ее дорожное платье, вместе этот шифр туда и зашили. Все эти подробности мне рассказывал теперь в Варшаве один из товарищей Поплавского по консульству, впоследствии сидевший с ней в одной камере и освобожденный по специальному приказанию Раковского.

Выходя из дому на вокзал, Поплавская почувствовала себя плохо и, зайдя в ближайший подъезд, где был телефон, вызвала графа. Она просила его разрешить ей отложить отъезд, так как у нее плохое предчувствие. «Все женщины таковы, – отвечал ей Пирро, – сначала усиленно добиваются чего-нибудь, а потом, когда приходит исполнение – пугаются». Затем он спросил ее, откуда она говорит и, задержав ее немного разговорами у телефона, в конце концов, все-таки посоветовал ехать, так как другой такой возможности может и не быть.

Не успела Поплавская отойти от телефона, как была арестована и отправлена в Ч. К.

На допросе, сознавая отлично, что этим себя губит, она назвала Пирро провокатором, а допрашивавших ее негодьями.

На расстрел она пошла, как на праздник, – говорил мне ее товарищ.

Эта история и происшедшие в связи с ней аресты наделали много шума в Киеве. Дело получило большую огласку, и большевики спохватились, что такого способа борьбы с контрреволюцией в программе их партии нет. В газете появились сообщения о какой-то организации, выдававшей

себя за бразильское консульство и поставившей себе целью свержение советской власти. Во главе стоял некто, называвший себя графом Пирро и расстрелянный будто бы в первую очередь. Я лично слышала потом от некоторых большевиков, что он перед приходом деникинских войск бежал в Москву на автомобиле Петерса, бывшего председателя московской Ч.К., приехавшего тогда в Киев для наведения революционного порядка. Кто был Пирро, в точности установить не удалось. Одни считали его маленьким агентом Киевской чрезвычайки. Другие – их было много, думали, что это был сам Петерс.

Рассказанное мной случилось давно, два года тому назад. С тех пор произошло очень много событий. Из Советской России утекло много крови и воды. Мне хочется теперь, когда я здесь, когда я могу более или менее спокойно вспоминать о перенесенном там, поделиться с читателями еще кое-какими воспоминаниями. Пусть простят мне несколько бессвязную форму: все это было слишком сильно пережито.

Старый Киевлянин

Правда о провокаторе-чекисте Пирро (По неопубликованным данным)⁸

1.

Появление «бразильского консула» в Киеве. – «Дипломатический» прием Пирро у Раковского. – Пятерка чекистов. – Декрет Лациса. – Попытка Пирро установить связь с консулами. – Встреча Пирро с И.Н. Виттенбергом. – «Бразильское консульство» – провокационная ловушка.

Итак, теперь уже с документальной точностью установлено, что знаменитый чекист-провокатор, «бразильский консул» Альберт Пирро очутился в Риге и сотрудничает в одной из местных русских газет. Кто же этот новый публицист, выступающий там с разоблачениями своих друзей?

Считаем небезынтересным познакомить читателей «Сегодня» с провокационной деятельностью этого деятеля, отчасти уже освещенной в печати. В нашем распоряжении имеются новые неопубликованные данные, точно проверенные на основании опроса целого ряда лиц, имевших несчастье соприкасаться с Альбертом Пирро во время его пребывания в Киеве.

Это было летом 1919 года. Большевиками снова была занята Украина, и в Киеве образовался украинский Совет народных комиссаров, во главе которого оказался истинно-украинский румынский болгарин Христю Раковский, нынешний советский полпред в Париже. В начале революции Христю Раковский сидел в румынской тюрьме, но, когда бунтующие русские солдаты громили везде тюрьмы, ему удалось освободиться. Раковский быстро учел положение и из ярого руссофоба (об этом на днях рассказывал еще в «Сегодня» болгарский посланник в Праге проф. Михальчев) он перекрасился в друга России и стал выступать с большевицкими речами на солдатских митингах.

Страсть к публичным выступлениям Раковский сохранил и в Киеве, где будучи представителем [председателем – Б.Б.] украинского совнаркома, часто делал доклады на митингах и собраниях. Излюбленным коньком Раковского были уже и тогда вопросы внешней политики и на своем смешанном русско-болгарско-румынском языке Раковский часто знакомил киевлян с международным положением. Советская Россия была в то время подвергнута полной внешней изоляции; на юге успешно развивались операции деникинской армии, и ни одна из европейских держав и не помышляла о каком бы то ни было контакте с большевиками.

⁸ Опубликовано в газете «Сегодня» (1926, №№ 38-44)

В июне 1919 г. читатели киевских официальных «Известий» поражены были краткой заметкой о том, что в Киев прибыл граф Альберт Пирро в качестве консула Бразилии, признавшей уже власть советской Украины. Сообщение это вызвало ряд недоуменных вопросов: почему именно Бразилия первая признала советскую власть, почему признание это не распространено было сперва на Москву, а началось с Украины, для какой цели в Киев мог быть командирован бразильский консул, и т. д. Но в тот же день, когда появилась заметка в «Известиях», Раковский выступил на митинге в городском театре, на котором с большим торжеством подтвердил сообщение «Известий». Раковский заявлял, что приезд бразильского консула – это лишь первая ласточка, после которой вся Европа, а затем и Америка станут на колени перед «несокрушимой рабоче-крестьянской властью».

Никаких грамот о своем назначении у графа Пирро не оказалось, и, как потом сообщалось в советских газетах, все документы его якобы были похищены по дороге из Москвы в Киев. Несмотря на это, Раковский устроил торжественный прием первому «дипломатическому представителю» на Украине и в распоряжение графа Пирро отведена была на Большой Подвальной ул. №14 прекрасная квартира прис. пов. Феликса Бржозовского.

Первые же шаги графа Пирро в Киеве обнаружили его тесную связь с чрезвычайкой. В то время в Киеве находились две чрезвычайки, державшие в терроре всю Украину. Во главе всеукраинской чрезвычайки стоял латыш Лацис, правой рукой которого был немец Шварц, а во главе киевской чрезвычайки очутился рабочий киевского арсенала украинец Дехтеренко, по жестокости с которым конкурировали его ближайшие помощники евреи Яша Лифшиц и Шварцман. И эта интернациональная пятерка фактически осуществляла всю «полноту» власти на Украине. Раковский разговаривал на митингах, а обе чрезвычайки ежедневно расстреливали десятки людей. Списки расстреливаемых в Киеве, печатавшиеся в «Известиях», были столь обширны и стали таким заурядным явлением, что на этих списках происходила подверстка большевистских газет, т. е. сперва ставился весь текущий материал, а все оставшееся на большом газетном листе место заполнялось списками расстрелянных, сплошь и рядом не вмещававшимися в одном номере. В таких случаях ставилось трагическое «продолжение следует», и список расстреливаемых обрывался по капризу метранпажа газеты.

Граф Альберт Пирро с первых же шагов своей деятельности вступил в тесную связь с упомянутой пятеркой чекистов, но чаще всего (почти ежедневно) встречался с представителем всеукраинской чрезвычайки Лацисом. Вскоре по всему Киеву на стенах и заборах расклеены были объявления «бразильского консула» Пирро о том, что все бразильские подданные должны регистрироваться у него в консульстве. Объявления эти, подписанные консулом Пирро, имели на себе еще вторую, пожалуй, более авторитетную подпись Лациса, а затем и в газетах, и в расклеенных по этому поводу объявлениях появился приказ Лациса о том, что все бразильские подданные и все те лица, ко-

торые в качестве таковых регистрируются у графа Пирро, пользуются совершенно исключительными привилегиями: на них не распространяется действие большевистских декретов, они не подлежат обыскам и арестам, имущество их не подлежит конфискации и реквизиции и т. д. Словом, Лацис опубликовал очень обширную и весьма соблазнительную «хартию вольностей» для «бразильских подданных», зарегистрировавшихся у графа Пирро.

Помимо «дипломатических» визитов к представителю [председателю – Б.Б.] совнаркома Раковскому и постоянных посещений Лациса, граф Пирро пытался установить связь и с оставшимися в Киеве другими, не маргариновыми, а настоящими консулами. Таковых в тот момент в Киеве было двое: персидский консул Исакий Николаевич Виттенберг (его впоследствии после ухода добровольцев расстреляли большевики), родственник главного директора о-ва «Проводник» и его представитель в Киеве, и еще «уполномоченный китайского правительства по делам рабочих» Тсу-Шуань и его заместитель Лихундч. Перед приходом большевиков, когда на Украине был гетман Скоропадский, в Киеве существовал целый ряд консульств и дипломатических представительств, но они частью покинули Киев перед приходом большевиков, а частью были выселены уже большевиками из Киева и отправлены в Одессу, которая в то время была занята союзниками. Поэтому к моменту появления Пирро в Киеве там оказались только два упомянутых консула, и, как уже указывалось, граф Пирро сделал попытку в качестве «дипломатической особы» войти в связь, во всяком случае, с консулом Виттенбергом. Уполномоченный «по делам китайских рабочих» оказался весьма покладистым и очень скоро стал принимать участие во всех попойках и оргиях Пирро, но И.Н. Виттенберг, консул старой школы, все ждал, чтобы Пирро на основании международного обычая, как вновь прибывший, нанес ему первый визит. Вместо этого персидский консул получил следующее отношение от графа Пирро:

Consulat de la Republique du Bresil en Ukraine.

Бразильское консульство на Украине.

Б. Подвальная, 14, кв. 1

Тел. 4026

10-го июня 1919 г.

№50

Персидскому Генеральному Консулу
г. Виттенберг.

Ввиду необходимости решить ряд вопросов, интересующих одинаково все существующие консульства в Киеве, предлагаю Вам назначить день и час для устройства совещания.

Уполномоченный Правительства Бразильской Республики:

А. Пирро.

В ответ на это И. Виттенберг прислал следующее отношение:

№1188.

Киев, Июня 10-го дня 1919 г.

Уполномоченному Правительства
Бразильской Республики гр. Пирро

На Ваше отношение от 10 Июня с. г. за №50, имею честь уведомить, что, не зная, какие вопросы подлежат обсуждению на предлагаемом Вами совещании и кто из имеющих в Киеве представителей других правительств будет присутствовать на совещании, затрудняюсь ответить по существу возбужденного Вами вопроса.

Персидский генеральный консул (подпись).

Убедившись в том, что путем, так сказать, «официальных» сношений ему не удастся войти в связь с консулом Виттенбергом и получить, таким образом, как бы лишнее подтверждение своего дипломатического положения, граф Пирро обратился к покладистому китайскому консулу с просьбой свести его с Виттенбергом. Китайский консул устроил у себя в консульстве по Левашовской № 1 чай, на который был приглашен И.Н. Виттенберг. Туда же явился и граф Пирро, представленный Виттенбергу. Об этом первом свидании И.Н. Виттенберг в своем официальном свидетельском показании, данном Особой следственной комиссией правительства Юга России при занятии Киева армией Деникина, рассказывает следующее:

«Мне был представлен среди прочих гостей молодой человек приблизительно 30 или 35 лет, блондин, тип нерусский, высокого роста, бритый, но борода на подбородке, в качестве представителя Бразильской республики при советском правительстве Украины. Поведение его сразу внушило мне какое-то подозрение, и так как мне ничего не было известно о том, что в Киеве имеется такое консульство, тем более, что раньше никогда бразильского консульства в Киеве не было, я сразу отнесся недоверчиво к личности этого представителя, удивляясь, что могло учредиться при большевиках новое консульство. Представленный мне представитель Бразильской республики был мне, повторяю, чрезвычайно подозрителен, так как видно было, что хорошо говорит по-русски, но заявляет, что он американец и коверкает некоторые слова. Назвал он себя графом Альбертом Пирро. Он говорил по-немецки, по-французски. Мне кажется, что он был по национальности латыш, так как его наружность, а именно голубые глаза, блондин и вся внешность давали основание это предпологать. Однако, с уверенностью это сказать не могу. Что он коверкал русские слова, я утверждаю на том основании, что когда его спрашивали, курит ли он, и предлагали ему папиросу, он заявлял, что он плохой «курака»; были и другие выражения, наталкивающие на эту мысль.»

Из дальнейших очень кратких и редких встреч с Пирро Виттенберг вынес впечатление, что новоиспеченный консул абсолютно незнаком с тем делом, за которое он взялся. Смущала Виттенберга и странная близость Пирро к чрезвычайке, и то непонятное покровительство, которое оказывалось Пирро со стороны высших советских властей в то время, как все остальные консулы подвергались всяким гонениям.

Но очень скоро ход событий показал, что все «бразильское консульство», устроенное чекистами, является лишь ловушкой для доверчивых людей и учреждено было при помощи чекиста Альберта Пирро с провокационной целью создавать дела о «международных заговорах и контрреволюционных организациях, направленных против советской власти».

2.

Вербовка «бразильских подданных». – Невежество Пирро. – Веселое житие консула. – Льготы для служащих консульства. – Мелкий жулик под маской дипломата. – Латышский ресторан в Киеве. – Пирро, он же Калнынь. – Провокация Пирро среди латышей-земляков.

Как уже указывалось в первом очерке, по декрету председателя всеукраинской чека Лациса, для «бразильских подданных», зарегистрировавшихся у Пирро, создан был целый ряд привилегий, о которых советские граждане и мечтать не могли. Пирро не ограничился объявлением о регистрации прежних бразильских подданных (откуда такие могли быть в Киеве?), но расклеил новое объявление о том, что он предлагает являться к нему всем тем, кто желал бы перейти в бразильское подданство. И это объявление, как и первое, скреплено было подписью того же Лациса.

Персидский консул в Киеве И. Н. Виттенберг лично обратился к управляющему народного комиссариата иностранных дел на Украине Гурвичу с указанием на то, что такого рода зазывания консула и вербовка «бразильцев» роняют престиж остальных консулов. Виттенберг заявил протест против того, что такого рода неслыханные в международной практике публикации скрепляются и представителем советской власти в лице председателя всеукраинской чрезвычайки Лациса. Гурвич указал Виттенбергу, что ему лично вся история с Пирро тоже кажется странной, но что Раковский, несмотря на то, что Пирро не представил никаких бумаг о своих полномочиях, все же признает графа Пирро в качестве самого настоящего бразильского консула на Украине.

Пользуясь состоявшимся у китайского консула личным знакомством с Виттенбергом, «граф» Пирро стал к нему обращаться за справками о порядке приема граждан в подданство. При этом Пирро обнаруживал полное невежество и абсолютное незнание самых элементарных правил консуль-

ской службы. Виттенберг разъяснял бразильскому консулу, что право приема в подданство ни в коем случае не предоставлено консульствам и миссиям и что право это принадлежит только правительству, которое лишь после соблюдения многочисленных формальностей может удовлетворять ходатайства отдельных лиц о переходе в другое подданство. Тем не менее Пирро продолжал расклеивать своих публикаций с предложением о переходе в «бразильское подданство» на заборах, киосках и домах, и публикации эти по-прежнему скреплены были подписью председателя всеукраинской чрезвычайки Лациса.

Граф Пирро вскоре набрал небольшой штат служащих для своего консульства и очень комфортабельно устроился в громадной, великолепно обставленной квартире Бржозовского. Завелся у Пирро и тесный круг друзей, главным образом, из числа высших советских чиновников и виднейших чекистов, к числу которых прибавился и приехавший из центра знаменитый чекист Петерс. На квартире Пирро часто устраивались попойки, порою же консул со своими друзьями выезжал на веселые пикники в Святошино и другие дачные местности под Киевом. В этих случаях в распоряжение консула и его компании всегда предоставлялись автомобили из всеукраинской чека.

Об одной из попок, устроенной графом Пирро, рассказывал в своих показаниях Особой следственной деникинской комиссии и персидский консул И. Н. Виттенберг.

«Когда я явился однажды совершенно случайно к Пирро, не предупредив его о моем посещении, – рассказывает в своем письменном показании Виттенберг, – я застал у него заместителя китайского консула Лихунди и двух частных лиц, фамилии которых я не знаю, хотя они и были мне представлены. Компания сидела на балконе, выходящем во двор и пила вино. Очевидно, до моего прихода было изрядно выпито, так как эти лица были очень веселы. Мне также было предложено вино, и, когда я выразил удивление по поводу стольких пустых, уже выпитых бутылок шампанского, которое представляло большую в то время ценность, мне господин Пирро заявил, что это он получил, кажется, из чрезвычайной комиссии по очень дешевой цене. Я удивился такой щедрости чрезвычайной комиссии, постоянно все забирающей, но не раздающей, но г. Пирро указал, что это не официально им получено, а через какого-то приятеля и что он за это платит ему будто бы деньги.»

Несколько раз Виттенберг получал от Пирро приглашения на автомобильные прогулки, но от этого отказывался, так как поведение Пирро и отношение к нему советских властей давало основание относиться к бразильскому консулу с величайшей осторожностью.

При встречах с Виттенбергом Пирро всемерно старался держать себя соответственно своему высокому дипломатическому положению. Но это

плохо ему удавалось и природные замашки мелкого авантюриста-жулика были сильнее дипломатической маски. Так, однажды Пирро предложил Виттенбергу купить у него две очень ценные картины известных французских художников за грошевую по тому времени цену в 3000 советских рублей. При этом Пирро говорил, что эти картины он дешево купил у какого-то помещика.

Относясь вообще подозрительно к Пирро, Виттенберг отказался от покупки этих картин, о чем и не жалел, так как впоследствии выяснилось, что картины эти, действительно весьма ценные, принадлежали княгине Урусовой, которая прельстилась неприкосновенностью бразильского консула и, опасаясь обычных в то время реквизиций и изъятий, передала их на хранение «графу» Пирро. Тот, по старой привычке, картины, конечно, присвоил, кому-то продал их, не передав собственнице картин ни одной копейки.

Выступая официально в качестве графа и бразильского консула, Альберт Пирро в то же самое время пытался установить связи с оказавшейся в Киеве небольшой группой латышей, в которую входили лица, не состоявшие на советской службе и выжидавшие возможности возвратиться на родину в Латвию.

Группа эта концентрировалась вокруг маленького латышского ресторана на Фундуклеевской улице, против городского оперного театра, содержимого латышем Р. (фамилия этого лица, ныне находящегося в Риге, как и адрес его известны редакции «Сегодня»). В ресторане Р., в котором, кроме хозяина, работала и молодая дочь его (она тоже живет ныне в Риге), часто собирались знакомые латыши. Однажды сюда явился какой-то, исключительно шикарно по тому времени одетый, господин, пальцы которого унижены были дорогими бриллиантовыми кольцами, и который стал разговаривать с хозяином ресторана и его посетителями по-латышски. Разговорились и выяснилось, что шикарный господин – латыш, рижанин, недавно приехавший в Киев. Он стал довольно часто появляться в ресторане Р. и стал даже ухаживать за дочерью ресторатора. Себя он назвал адвокатом Калнынем, который служит у бразильского консула Пирро в качестве его заместителя.

И хозяин ресторана, и его дочь, и скромные посетители ресторана относились с большим почтением к своему импозантному земляку, занимающему такой видный пост.

Надо ли говорить, что под именем Калныня в латышский ресторан являлся сам Альберт Пирро, тот самый, которого опознали по помещенной в «Сегодня» фотографии его знакомые по киевскому ресторану латыши, тоже находящиеся ныне в Риге.

Ухаживая за дочерью Р., Пирро в то же время не забывал своей прямой задачи – пошире раскидывать сети провокации и очень скоро стал делать попытки спровоцировать своих новых знакомых-латышей, предлагая

им свою помощь при запрещенной и строго преследовавшейся в то время спекуляции с обменом советских денег на царские.

И ресторатор Р., и его дочь, и ставший впоследствии ее мужем К. едва не стали жертвами этой «биржевой провокации» Пирро-Калныня. Они вовремя сообразили всю опасность сделок с «консулом» и даже скрылись под Киевом в поселке Святошино, избегая встреч с опасным консулом. Но другие лица оказались более доверчивыми и знакомство с Пирро стоило им жизни.

3.

Провокационная работа Пирро в двух направлениях. – Валютная спекуляция на Украине. – Пирро производит обмен денег. – Клиенты Пирро попадают в чека. – Сигнализация в консульстве. – Особист «Тигр». – Пирро, агент чека Сольчинский.

Бразильское консульство в Киеве сфабриковано было чекистами специально для провокационной работы, и Альберт Пирро, сам агент чека, выполняя заданные ему задания, вел свою работу в двух направлениях: с одной стороны, в качестве «бразильского консула», Пирро фабриковал «международные заговоры» и передавал в лапы чекистов им самим спровоцированные, якобы «контрреволюционные» элементы; с другой стороны, опять-таки по заданиям чека, Пирро, путем провокаций, вылавливал биржевиков-спекулянтов, занимавшихся запрещенной в то время торговлей валютой.

О политической провокационной работе Пирро мы расскажем в дальнейших очерках, пока же остановимся на его, так сказать, биржевой провокации.

В результате частых феерических смен властей, на Украине, среди населения циркулировали самые разнообразные денежные знаки. Помимо общероссийских царских, думских, керенских и советских ассигнаций, на Украине в большом количестве застряли у населения и специальные денежные суррогаты: Центральной рады, гетманские, немецкие марки, австрийские кроны, петлюровские, знаки директории и т. д. Все эти деньги очень быстро теряли свою ценность, и население верило только в старые дореволюционные, так называемые «царские» деньги. Только за такие деньги можно было достать еще в деревне продукты, и потому вполне понятна была погоня за ними и ежедневное повышение их курса по сравнению с советскими деньгами.

Заняв Украину, большевики под угрозой расстрелов обзывали население принимать только советские денежные знаки и беспощадно боролись со всякой торговлей царскими деньгами. Но тем не менее повсюду, не только на «черной» бирже, но и на базарах, шел самый оживленный обмен совет-

ских «сруликов» и «метеликов» (так назывались тогда на Украине советские деньги) на царские ассигнации.

Чрезвычайка создала особый отдел по борьбе с валютной спекуляцией и для этой цели мобилизовала большие отряды чекистов. К этому делу привлечен был и «бразильский консул» Альберт Пирро, который занялся провоцированием «валютных дел».

Чекисты снабдили Пирро большим количеством царских ассигнаций, и он стал распространять по городу слухи о том, что производит обмен царских денег на советские по самому дешевому курсу. Высокое дипломатическое положение консула внушало к нему особое доверие, и в бразильское консульство потянулись доверчивые люди с пачками советских денег для обмена на царские. Пирро любезно всех принимал, охотно и действительно дешево производил обмен, но операции эти неизменно плохо кончались для клиентов консульства. В квартире и на лестнице консульства постоянно дежурили чекисты, которые по знаку Пирро устанавливали слежку за выходящими от него с царскими деньгами лицами. По дороге от консульства или же где-нибудь на квартире лица эти подвергались аресту. При них находили только что полученные от Пирро царские деньги, и этого было вполне достаточно для отправки в чека на расстрел. Деньги отбирались и снова поступали к Пирро для уловления новых жертв.

Но Пирро не ограничивался теми любителями легкой наживы, которые сами обращались к нему. Ему нужно было искусственно расширять круг своих клиентов, и для оживления своей провокационной деятельности в этом направлении Пирро решил использовать своих новых знакомых латышей, с которыми он встречался в упомянутом нами в прошлый раз ресторане латыша Р.

Однажды Пирро, называвший себя тогда Калнынем, пригласил Р. в консульство, откуда сам консул Пирро якобы временно уехал. Там Пирро-Калнынь ошеломил своего земляка Р. демонстрацией шкатулок, наполненных бриллиантами, и двух больших портфелей, набитых царскими деньгами.

– Я могу иметь этих царских денег сколько угодно, – заявил Пирро. – Хочу дать вам заработать. Берите у меня деньги, обменивайте их и богатейте!

Предложение это показалось Р. весьма заманчивым, и он для начала взял у Пирро 50 000 рублей царских денег, которые с большой прибылью выменял среди знакомых торговцев.

Пирро-Калнынь стал убеждать Р. развить операции с обменом денег в более широком размере и привлечь к этому делу богатых капиталистов. Р. и его дочь (оба они, как уже сообщалось, живут сейчас в Риге) относились к Пирро (его они считали тогда Калнынем) с полным доверием и стали подыскивать ему новых клиентов. Между прочим, Р. предложил своему знакомому К. (он тоже живет ныне в Риге и женат на дочери Р.) воспользоваться

исключительным случаем разбогатеть и принять участие в обмене денег при помощи консула.

Латыш К., относившийся весьма подозрительно к консулу, решил лично посетить его и проверить правильность сведений содержателя ресторана. Об этом визите К. рассказывает следующее:

– Отправился я в бразильское консульство и на всякий случай положил браунинг в карман. Подошел я к двери и позвонил. Чувствую, что меня сверлят чьи-то пронзительные глаза. Поднимаю голову и вижу, что на площадке какие-то типы следят за мной. Вхожу в консульство и у отворившей мне горничной спрашиваю, могу ли я видеть заместителя консула Калныня. В этот момент выскакивает сам Пирро, фотография которого напечатана теперь в «Сегодня», и приглашает меня в свой кабинет, на ходу заявляя, что он может обо всем со мною поговорить вместо консула Пирро. Вся квартира консульства поражала своей роскошью, но особенно был обставлен кабинет Калныня-Пирро.

Отчетливо помню, что в кабинете были три двери, ведущие в разные комнаты. Как только я сел, все эти двери моментально, как бы автоматически, захлопнулись.

Когда же наш разговор кончился, и я стал уходить, двери эти опять-таки как бы автоматически раскрылись. Я уверен, что у Пирро была какая-то специальная сигнализация, и путем нажима каких-то кнопок он закрывал и открывал двери. Идя к консулу, я очень волновался, и история с дверьми заставила меня еще более насторожиться. Почувствовал ли Пирро мою нервность, заметил ли он движение моей руки, когда я взялся за браунинг в кармане, – не знаю, но прежде, чем начать разговор, он открыл ящик своего стола, демонстративно вынул два револьвера Маузера и стал играть ими. Я заявил консулу, что по совету ресторатора Р. хочу заняться обменом денег. Консул сейчас же вынул большой портфель, туго набитый царскими деньгами. Он сказал мне, что хочет развить операции с обменом в очень большом размере и что для этого ему нужны богатые люди. Я заявил, что таковые у меня имеются, но для начала я должен получить у него небольшую сумму царских денег, чтобы показать их своим капиталистам и убедить их в том, что деньги не фальшивые, а настоящие. Я заявил, что захватил с собою немного советских денег, на которые хотел бы обменять тысяч 25 царских. Пирро небрежно отсчитал мне эту сумму денег и предложил мне явиться к нему опять вместе с капиталистами и с более крупной суммой денег.

Уйдя от Пирро, я направился к ресторатору Р., моему нынешнему тестю, и заявил ему, что все поведение консула кажется мне крайне подозрительным и что нам следует избегать всяких дел с ним. Я стал побаиваться, как бы мне не пришлось отвечать за свой первый визит к консулу и решил, что будет спокойнее, если я сам сообщу советским властям о запрещенных операциях

бразильского консула. Я направился к начальнику милиции в Киеве и рассказал ему всю историю с консулом. Начальник милиции не знал, что Пирро является агентом чрезвычайки, и, так как и в задачи милиции входила борьба с валютной спекуляцией, он решил прославить себя поимкой такого крупного валютного зверя. При мне начальник милиции позвонил в Особый отдел (это учреждение, аналогичное чрезвычайкам, действовало совершенно автономно) и сообщил туда, что предстоит крупное дело, для которого нужен большой отряд солдат под командой самого «Тигра».

Сообщение начальника милиции произвело, по-видимому, впечатление, и вскоре в милицию прибыл «Тигр». Этот особист (чины Особых отделов назывались «особистами», в отличие от чекистов – агентов чрезвычайки) вполне оправдывал свою красноречивую кличку. Это был страшного вида тип, вооруженный по тогдашней советской терминологии «до зубов», обвешанный револьверами и бомбами. Я повторил «Тигру» всю историю, и тогда же был намечен стратегический план действий. Я должен был взять большой портфель, набить его газетной бумагой, прикрытой сверху советскими деньгами, и пойти к бразильскому консулу. До того весь прилегающий квартал и здание консульства будут оцеплены большим отрядом солдат под командой «Тигра». И по моему знаку отряд этот должен будет ворваться в консульство и застать консула Пирро-Калныня, так сказать, на месте преступления, при запрещенном обмене денег.

В назначенный час, – рассказывает далее К., – я, согласно выработанному плану, направился к консульству. «Тигр» со своим отрядом был уже на месте. Когда я позвонил и вызвал консула, тот был несколько смущен моим неожиданным появлением и заявил, что я пришел не вовремя. Я направился по лестнице на улицу, а консул бросился вслед за мной. Когда мы оба очутились на улице, выскочил «Тигр» со своим отрядом и окружил нас. Солдаты набросились на Пирро и, обнаружив у него в кармане револьвер, один солдат ударил его прикладом. Пирро бросился в помещение консульства, я с «Тигром» и солдатами – за ним. Здесь в консульстве Пирро поднял крик.

– Что вы делаете? Я советский служащий, вы мне все дело портите! Я ведь сам служу в чрезвычайной комиссии!

С этими словами Пирро вытащил из кармана снабженное его фотографией удостоверение за подписью Лациса в том, что он – агент чрезвычайной комиссии Сольчинский.

«Тигр» хорошо знал подпись Лациса, но решил все же проверить подлинность предъявленного документа. Он позвонил по телефону Лацису, и, как видно было из краткого разговора, тот подтвердил подлинность удостоверения и распорядился не трогать консула.

«Тигр» извинился и ушел с солдатами, а меня консул задержал. У нас началась беседа по-латышски и Пирро стал расспрашивать меня, каким образом произошло появление «Тигра» и отряда солдат.

– Знаете что, – заявил мне Пирро, – давайте работать вместе. Большие деньги заработать можно. Впрочем, здесь в Киеве, я уже все выжал и больше мне делать нечего! Собираюсь скоро на Урал – там много богатых людей, там можно хорошо подработать. А пока давайте поработаем вместе. Хочется мне помочь землякам.

Я условился с Пирро о новой встрече, которая, конечно, не состоялась. Я направился к ресторатору Р. и объяснил ему, что теперь, когда мы уже знаем истинную роль консула, нам не сдобровать и лучше всего скрыться из Киева. И ресторатор Р., и его дочь, и я немедленно же покинули Киев и нелегально скрывались в поселке «Святошино» под Киевом до тех пор, пока не пришла в Киев денкинская добровольческая армия. При добровольцах мы совсем покинули Киев и пробрались на родину в Ригу. Здесь мы потом слышали, что Пирро появился в Латвии и прославился целым рядом уголовных дел и у нас, и в Литве. Но встречаться мы с ним больше не встречались и только появление его фотографии в «Сегодня» снова вызвало у нас воспоминания об этом страшном провокаторе.

4.

Как Пирро застрелил в Киеве изнасилованную им девушку-латышку.

«Бразильский консул» Альберт Пирро в своей провокационной деятельности проявлял исключительную даже для чекиста жестокость. Он не щадил никого из тех, кто попадался ему на пути. На всякого встречного он смотрел, как на подходящую жертву для чека, и только варьировал, в зависимости от обстоятельств, те или иные приемы провокаций.

В прошлом очерке мы уже упоминали о том, как Пирро, под видом Калныня, пытался спровоцировать и втянуть в каравшуюся тогда расстрелом валютную спекуляцию группу латышей, с которыми случайно познакомился. Другая группа латышей стала жертвой его провокаций в другом направлении.

Пирро распространял слухи, что он якобы по поручению бразильского правительства организует отправку в Бразилию всех бразильских подданных и всех тех, кто примет подданство. Для лиц, стремившихся удрать из советского рая и перебраться за границу, представлял большой соблазн такой, совершенно якобы легальный, выезд из Сов. России.

В то время в Киеве находилось много латышей, которые особенно прельстились возможностью пробраться на родину при помощи Пирро. Всем им Пирро заявил, что отправка в Бразилию будет происходить через либавский порт. До Либавы все принятые консулом Пирро в подданство будут доставлены по железной дороге, а там уже представится полная возможность отказаться от поездки в Бразилию и остаться на родине. Землякам-латышам

Пирро особенно убедительно рекомендовал воспользоваться его услугами, и, понятно, на это заманчивое предложение откликнулось немало желающих.

О том, как трагически окончились для латышей эти попытки воспользоваться услугами рижанина, – ставшего бразильским консулом, сообщает нам интересные подробности проживающий сейчас в Риге полковник Б., ныне занимающий видный пост в латвийском военном министерстве (Полная фамилия полковника Б. и его адрес, конечно, известны редакции «Сегодня»).

– Все те, кто вел переговоры с консулом Пирро, – рассказывает полковник Б., – конечно, не попали ни в Латвию, ни в Бразилию. Все бразильское консульство в Киеве оказалось предательской ловушкой, и лица, обращавшиеся к Пирро, не избежали затем ареста и отправки в чрезвычайку. Немало жертв Пирро расстреляно. Но особенно трагична была судьба молодой латышки, уроженки Либавы, Веры Д. (полная фамилия ее известна редакции «Сегодня»).

Вера Д. случайно очутилась в Киеве и все время стремилась вырваться оттуда и вернуться к своей старушке-матери, жившей в Либаве. Пробраться из Киева в Латвию нелегальным путем – значило бы подвергать себя большому риску. Поэтому, когда Вера Д. узнала от знакомых латышей, что при помощи бразильского консула Альберта Пирро – к тому же латыша-земляка – легко можно пробраться в Либаву, она, естественно, явилась в консульство для переговоров с Пирро. Тот очень любезно принял молодую красивую девушку и заявил, что он гарантирует ей вполне свободный и законный проезд в Латвию, но для этого она должна внести ему довольно большую по тому времени сумму денег. Таких денег у Веры Д. не было, и она стала собирать их среди знакомых, которым сообщила о предстоящей поездке на родину при помощи Пирро.

– В тот момент, – рассказывает полковник Б., – группа латышей, не желавшая выжидать отправки «бразильцев», решила нелегальным путем пробраться в Латвию. Вере Д. предложено было примкнуть к этой группе, но она заявила, что ей предстоит более спокойный и верный путь и что она, пожалуй, очень скоро прибудет на родину. На всякий случай Вера Д. поручила этой группе передать ее матери в Либаву письмо, в котором она извещала о своем скором приезде.

С деньгами тогда было очень трудно, и Вере Д. не удавалось собрать затребованную консулом Пирро сумму. Имея только часть денег, она явилась к Пирро и стала просить его, чтобы он согласился на то, что недостающие деньги будут внесены ее матерью в Либаве, когда она туда прибудет. Пирро заявил, что он никаких уступок делать не может, но, увидев перед собой красивую молодую девушку, он обратился к ней с грязным предложением, добавив, что, если его требование будет исполнено, Вера Д. будет совсем

освобождена от всякой платы за проезд в Либаву. Д. с негодованием отказалась от предложения «консула».

– Тогда, – рассказывает полковник Б., – Пирро схватил девушку, затащил ее в другую комнату и там изнасиловал ее. Вырвавшись из рук «консула», Вера Д. подбежала к окну, разбила его и с высоты второго этажа выбросилась на мостовую. Полураздетый «консул» сбежал вниз и застал на улице искалеченную, окровавленную девушку. Недолго думая, Пирро выхватил револьвер и выстрелом в висок убил Веру Д. К зданию консульства стали собираться прохожие, но Пирро при помощи чекистов, всегда дежуривших в подъезде консульства, втащил убитую девушку в помещение консульства.

– Надо думать, – заканчивает свой жуткий рассказ полковник Б., – что при помощи своих друзей-чекистов «бразильский консул» вывез и похоронил среди жертв чрезвычайки труп убитой им Веры Д. Вся эта история тоже была, конечно, потушена друзьями «бразильского консула»...

Старуха-мать Д. долгое время не имела никаких известий о судьбе дочери и все время напрасно ожидала ее возвращения. На долю этой старухи свалилось тогда большое горе: двое ее сыновей было убито в борьбе за независимость Латвии, и она все дожидалась возвращения своей дочери. Киев в то время на короткий срок был освобожден от большевиков и при добровольцах многим из латышей удалось выбраться из Украины и пробраться на родину. На их долю пала тяжелая обязанность довести до сведения старухи-матери о судьбе ее дочери. Старуха не перенесла этой вести и вскоре умерла.

5.

Политическая провокация Пирро. – Откровенные разговоры – улики для чека. – Расстрелянные, вследствие предательства Пирро. – Свидетели преступлений Пирро. – Трагическая судьба Поплавской.

Переходим к изложению провокаторской деятельности Альберта Пирро в области политической. В этом отношении он точно выполнял задания специального секретного циркуляра, разосланного чрезвычайкам за подписью Дзержинского, в пункте 5-ом которого рекомендовалось «устройство фиктивных белогвардейских организаций в целях быстреего выяснения иностранной агентуры на нашей территории». (Циркуляр этот опубликован в известной книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России»).

Мы уже указывали, что благодаря широкой рекламе, к «бразильскому консулу» потянулись в Киеве десятки лиц, которые надеялись путем перехода в «бразильское подданство», с одной стороны, оградить себя от произвола большевистских декретов и террора властей, а с другой стороны – получить возможность легко и легально выбраться из сов. рая. К тому же всем

было хорошо известно, что Бразилия вообще охотно принимает русских эмигрантов, что там, благодаря нужде в рабочих руках, очень легко найти занятие, и поэтому вербовка лиц, желающих выехать в Бразилию, представлялась весьма правдоподобной.

Всех являвшихся к нему в консульство Пирро принимал с исключительной любезностью. Он всем обещал принятие в число бразильских подданных, а затем и отъезд из Сов. России. Записывая адрес просителя, Пирро приглашал зайти еще раз для дальнейших переговоров. И с этого момента за лицом, пришедшим в консульство, уже начиналась строгая слежка чекистов. Не только это лицо, но и все его близкие знакомые брались уже на подозрение. Бывали случаи, когда особенно осторожные люди, приходя к Пирро для первоначальных переговоров, не называли ему своей фамилии и не указывали адресов. При помощи специальной сигнализации Пирро давал дежурившим в консульстве чекистам соответствующие знаки, и за этими осторожными анонимами устраивалась слежка, и имена их, конечно, быстро выяснялись.

При дальнейших беседах с кандидатами в «бразильцы» Пирро пускался в откровенные разговоры, яростно ругал советскую власть и ее образ действия и доверительно заявлял, что его задача на Украине сводится к тому, чтобы убедиться во всех преступлениях большевиков. Откровенность Пирро вызывала такую же откровенность и со стороны собеседников. Многие из них считали даже своим долгом просветить иностранного «дипломата» относительно истинной сущности коммунистической власти и изливали перед ним всю свою горечь. Все эти беседы Альберт Пирро сообщал затем в чрезвычайку, и там они после арестов «бразильцев» (так эта группа и называлась в чека) фигурировали в качестве неопровержимых улик контрреволюционных настроений арестованных. Лишь находясь в чрезвычайке, «бразильцам» становилось совершенно ясно, что они стали жертвами провокации Пирро. Но недавно на дверях, ведущих к подвалам киевской чрезвычайки, где содержались арестованные, имелась жуткая цитата из Дантевского «Ада»:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Жертвам Пирро уже не было возврата, и большинство из них после ужасных пыток и мук было расстреляно. Случайно уцелевшие лица, сидевшие в одних камерах с «бразильцами», в своих показаниях Особой следственной деникинской комиссии перечисляют целый ряд жертв провокаций и предательства Пирро: супругов кн. Урусовых, члена киевской судебной палаты Скаржинского и его сына, гимназиста Лунда, присяжного поверенного Моисеенко, Давыдова, Г.М. Трифановского, Бусыкину, Рачимову, Владимира Гудшона, бывшего офицера П.П. Алферова, подполковника генерального штаба И.И. Митрофанова и др.

Не щадил Пирро и служащих своего консульства. Они поступали к нему на службу, совершенно не зная, что он является провокатором и чекистом. Большинство из них очень скоро не могло не заметить странной близости Пирро к чрезвычайке и вообще все подозрительное его поведение. Для Пирро все они, таким образом, быстро становились опасными свидетелями его подлой работы и их надо было, конечно, устранять. Поэтому-то и для служащих консульства очень скоро наступал момент, когда они попадали в чрезвычайку. В страшных мучениях погиб в Всеукраинской чека первый юрисконсульт бразильского консульства популярный в Киеве прис. пов. Жолткевич. Арестован был и отправлен в камеру для смертников и секретарь консульства М., лишь случайно избежавший расстрела. Лицо это находится теперь вне Сов. России. Получив номер «Сегодня» с портретом Альберта Пирро, ныне находящегося в Латвии, его бывший секретарь М. прислал нам из заграницы письмо, в котором, между прочим, пишет:

«Категорически утверждаю и клянусь всем для меня дорогим, что изображенное на фотографии в «Сегодня» лицо есть именно киевский «бразильский консул» Альберт Пирро, у которого я служил и из-за которого случайно не был расстрелян».

Такого же рода письмо после опубликования в «Сегодня» портрета Альберта Пирро получено редакцией от бывшего юрисконсульта китайского консульства в Киеве, по долгу своей службы соприкасавшегося с «бразильским консулом». И это лицо, после своей службы в китайском консульстве выбравшееся из Сов. России (кстати сказать, это брат известного русского писателя), категорически утверждает, что изображенный на фотографии в «Сегодня» Альберт Пирро – это вне всяких сомнений «бразильский консул».

Оба упомянутых нами лица – и бывший служащий бразильского консульства, и бывший служащий китайского консульства сообщили нам свои адреса и заявляют, что по первому же требованию они готовы приехать в Ригу для того, чтобы уличить Пирро во всех его подлых преступлениях.

В числе служащих бразильского консульства в Киеве была и молодая талантливая музыкантша Раиса Поплавская, занимавшая место переводчицы, тоже ставшая жертвой провокации Пирро. Судьба Поплавской особенно трагична и на ней необходимо остановиться подробнее. Отметим, что вся история, связанная с расстрелом Поплавской, точно установлена нами на основании заявлений целого ряда лиц, из которых наиболее полными являются сообщения ее мужа, талантливого польского музыканта и композитора Марселия Густавовича Поплавского, ныне находящегося в Варшаве, вышеупомянутого бывшего секретаря бразильского консула М., одновременно арестованного с Поплавской, и племянницы одесского генерала Шиллинга, сидевшей в одной камере с Поплавской до момента ее расстрела.

До поступления на службу к Пирро, Поплавская долгое время жила в Париже, где получила музыкальное образование. Там она в совершенстве изучила французский язык, и когда вернулась в Россию, где ее застал большевистский переворот, она после Москвы приехала в Киев, где жили ее родные. Здесь она получила службу в «бразильском консульстве» и все время рассчитывала на то, что при помощи Пирро ей удастся пробраться в Париж, где жила одна из ее сестер. Пирро знал о стремлении Поплавской выбраться за границу и сам предложил помочь ей в этом. Он обещал снабдить ее командировочным удостоверением консульства в Одессу, что, при тех льготах и привилегиях, какими пользовалось консульство, вполне обеспечивало свободный проезд по железной дороге. Пирро далее указал ей лицо, к которому она должна обратиться в Одессе, находившейся тогда во власти союзников, и которое переотправит ее во Францию. За это Поплавская должна была доставить в Париж указанному консулом лицу его маленькую записочку с каким-то секретным для нее сообщением.

Поплавская так слепо верила «консулу» и так страстно рвалась в Париж, что без всяких размышлений приняла предложение Пирро. Тогда «консул» поставил еще следующие дополнительные условия. Ни муж Поплавской и никто из ее родных и знакомых не должны знать об ее отъезде. Мужу она должна заявить, что уезжает недели на две на дачу к знакомой под Киевом и лишь с дороги написать ему о настоящей цели своего путешествия. Абсолютно никому Поплавская не должна говорить, конечно, о том, что она везет с собой секретную записку консула. Записка эта должна быть зашита в складках юбки Поплавской непременно в присутствии Пирро, и Поплавская не имеет права перекладывать записку в другое место. О времени отъезда своего Поплавская должна известить Пирро, и, если почему-либо она отложила отъезд, она немедленно должна сообщить ему по телефону об этом.

И эти все условия Поплавская приняла. В назначенный день она явилась к Пирро и в его присутствии в складках дорожной юбки зашила какую-то крошечную бумажку, содержание которой ей было неизвестно. И в тот же день она заявила своему мужу об отъезде в Ворзель (под Киевом) на дачу. Поезд отходил вечером (в этом же поезде можно было ехать и по направлению к Одессе), и муж Поплавской с женой, захватившей небольшой чемоданчик, отправились на вокзал. В тот момент, когда они вышли из дому, полил сильный ливень, и Поплавский стал уговаривать жену отменить поездку, но она, связанная условием «консула», от этого категорически отказалась. На улице, благодаря ливню, не было ни одного извозчика, и они пешком медленно направились на вокзал. Когда они дошли до угла Прорезной и Владимирской улиц, выяснилось, что немисливо попасть вовремя на вокзал к отходу поезда и поэтому волей-неволей приходится отложить поездку.

Поплавская заявила, что она обязана об этом немедленно сообщить консулу. Она зашла в подъезд большого дома Сироткина и в то время, как муж остался в вестибюле, поднялась к знакомому врачу и оттуда позвонила по телефону консулу Пирро, что отъезд ее отложен. Пирро справился, где она находится, и затем потребовал, чтобы она ждала в подъезде, пока он не подъедет, так как ему нужно передать ей важное известие.

Поплавская сошла в подъезд и сообщила мужу, что надо ждать приезда консула. Прошло минут 15. Ливень не прекращался. На тротуаре у подъезда показалась какая-то фигура, которая, войдя в подъезд, чиркнула спичкой и, осветив лица Поплавских, заявила им:

– Я – агент чека. Вы – супруги Поплавские – мною арестованы. Идемте в чека!

6.

«Письмо» к Клемансо. – Пирро на допросах Поплавской. – Расстрелы жертв Пирро. – Большевицкая агитация. – «Красный меч». – Пирро в новой роли датско-голландского консула Гофмана.

Арестовав Поплавских, агент чека повел их вниз по Прорезной улице в Липки, где находились учреждения чека. Когда подошли к Крещатику, ливень прекратился и на улице показались первые извозчики. Чекист взял извозчика, усадил Поплавских и сам стал на дрожках против них, спиной к извозчику. Чекист схватил рукой то место юбки Поплавской, в котором был в присутствии Пирро зашит якобы секретный документ. Поплавская сделала несколько движений, чтобы освободиться от руки чекиста, но тот упорно не выпускал зажатого в кулак куска юбки.

Уже в этот момент у Поплавской, как она потом рассказывала находившейся с ней в одной камере племяннице ген. Шиллинга, мелькнула мысль, что арестовавший ее чекист знает, что у нее что-то зашито в юбке. А узнать он мог это только от Пирро. Очень скоро у Поплавской не было никаких сомнений в том, что ее предал бразильский консул Альберт Пирро.

Когда Поплавских привели в чека, мужа оставили в так называемой комендатуре, а жену отправили в соседнюю комнату. Не подвергая арестованную ни допросу, ни обыску, арестовавший ее чекист ножиком распорол хорошо известное ему, очевидно, место на юбке, вынул оттуда клочок бумаги и, вбежав в комендатуру, где находился Марсель Поплавский, с торжеством крикнул, обращаясь к остальным чекистам:

– Все в порядке! Все найдено! И письмо к Клемансо тоже!

Марсель Поплавский, ничего не знавший о переговорах жены с консулом, не подумал даже в тот момент о том, что какое-то письмо к Клемансо имеет отношение к его жене.

Одновременно с Поплавскими в чека, благодаря предательству того же Пирро, в числе других жертв «консула» попал и ранее упомянутый нами секретарь консульства М. Последний был избран старостой заключенных и в качестве такового пользовался некоторыми привилегиями. Он имел возможность покидать камеру чаще других заключенных и несколько раз ему удавалось перекинуться короткими словами с Поплавской, находившейся в том же корпусе. Из этих беглых разговоров М., сам уже убедившийся в провокационной роли Пирро, узнал, что Поплавской предъявлено обвинение в том, что она по поручению контрреволюционной группы собиралась отправиться во Францию с шифрованными записками на имя Клемансо и других видных представителей Антанты.

При допросах Поплавской несколько раз присутствовал Пирро, который самым наглым и циничным образом заявлял, что Поплавской хорошо известно содержание шифрованной записки. Поведение Пирро было столь явно предательским, что допрос Поплавской прерывался ее истериками, во время которых она кричала в лицо Пирро:

– Негодяй! Предатель! Провокатор! Вы губите меня и других!

Из допросов, между прочим, выяснилось, что по плану Пирро, разработанному с чекистами, предполагалось произвести арест Поплавской на вокзале при ее посадке в вагон. Вот почему «консулу» важно было знать, когда Поплавская уедет из Киева. В назначенный день на вокзале дежурили чекисты, которым поручено было арестовать Поплавскую и следить за тем, чтобы она не успела уничтожить предусмотрительно заготовленных консулом «улик» в виде какой-то бумажки, зашитой в отмеченное консулом место юбки. По этой же причине Пирро требовал, чтобы Поплавская, в случае отсрочки отъезда, немедленно же известила его об этом. И когда он по телефону узнал, где находится Поплавская, запоздавшая на поезд, он просил ее ждать в подъезде дома его приезда, но вместо себя прислал вызванного чекиста, который тоже был посвящен в «тайну» шифрованной записки.

Несмотря на то, что Поплавской приписывалось такое крупное преступление, как поездка с шифрованным донесением к самому Клемансо, на квартире ее не было произведено даже обыска. Ни разу не был подвергнут ни обыску, ни допросу арестованный вместе с нею муж. Провокатор Пирро хорошо сыграл свою роль, подготовил вполне достаточные «улики», и чекистам был обеспечен надлежащий эффект без того, чтобы еще разыгрывать роль наивных людей и обременять себя возней с излишними допросами и обысками.

На юге России успешно развивалось движение Деникина, поддерживаемое союзниками. Добровольческие войска, громя Красную армию, приближались к Киеву. Пора было сниматься и покидать Украину, и в этот момент как нельзя более кстати оказался эффектно сфабрикованный и

отлично разыгранный при помощи бразильского консула Пирро «международный контрреволюционный заговор».

Быстро было закончено дело Поплавской, к которому для пушного эффекта присоединено было дело самого Пирро и еще трех лиц – П.П. Алферова, И.И. Митрофанова и Г.М. Трифоновского, ничего общего с Поплавской не имевших, и в ночь на 17-ое августа все они (за исключением одного Пирро) были расстреляны.

В тот же день на рассвете в комендатуру был вызван Марселий Поплавский, к которому комендант обратился с вопросом:

– Вы были мужем Раисы Поплавской?

– Это моя жена, – ответил Поплавский. – Она и была – и ныне является моей женой.

– Нет, – спокойно заявил комендант, – вы были мужем Поплавской. Сегодня ночью она расстреляна, а вы свободны.

История Поплавской была широко использована и для митинговых выступлений против добровольческой армии и Антанты, и для зажигательных плакатов, и воззваний, и для газетных статей. В соответствующем тоне откликнулась на эту историю и тогдашняя киевская большевистская печать...

Сама чрезвычайка, конечно, тоже решила использовать всю блестяще удавшуюся провокацию при помощи Пирро и не ограничилась опубликованием, как это обычно бывало, краткого списка расстрелянных в советских газетах. Ради дела Поплавской выпущен был специальный номер газеты «Красный Меч» – органа политического отдела особого корпуса войск всеукраинской чрезвычайной комиссии. Номер этот вышел под редакцией чекиста Льва Крайнего, под именем которого действовал и писал и до того, и после того в советских газетах фельетоны под откровенным заголовком «Из блокнота чекиста» мелкий провинциальный журналист Лев Карпиловский, неоднократно до революции уличенный в мелком газетном шантаже.

О самом деле бразильского консульства «Красный Меч» торжественно сообщал, дословно так:

«Раскрытие двух грандиозных контрреволюционных заговоров.

Попытка белогвардейцев совершить внутренний переворот в Киеве.

Секретн. Отд. ВУЧК раскрыл грандиозный контрреволюционный заговор против советской власти, центральной фигурой которого является Бразильский Консул граф Альберт Пирро. Вокруг него сгруппировалось все черное офицерство и представители буржуазного мира. В распоряжении организации имелись в достаточном количестве пулеметы, винтовки, пироксилин и проч. и с каждым днем увеличивались запасы оружия для того, чтобы иметь возможность захватить все главные советские учреждения и произвести переворот в Киеве. У некоторых арестованные по этому делу найдены зашифрованные записки, адресованные представителям англо-фран-

цузских миссий. Многие буржуа обращались в консульство с целью принятия бразильского подданства, чтобы, таким образом, совершенно порвать с ненавистной им советской властью.

Коллегия ВУЧК ознакомилась всесторонне с добытыми по этому делу следственными материалами, постановила нижепоименованных лиц расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа.

1. Гр. А. П. Пирро, 35 лет, представителя Бразильской республики при сов. прав. Украины, при помощи которого была организована контрреволюционная организация, имевшая целью захватить власть в свои руки.

2. Алферова П. П., завед. оружием 1-ых киевских инж. сов. ком. курсов, доставлявшего в консульство оружие и патроны при посредстве Болховитонова, бывш. офицера, состоявшего в личном конвое гетмана.

3. Митрофанова Ив. Ив., пом. зав. учебной частью 2-х сов. ком. арт. курсов, бывшего подполк. ген. шт., принимавшего активное участие в организации выступления.

4. Трифоновского Г. М., землевладельца, контрреволюционера, сознавшегося на допросе в том, что принимал меры для того, чтобы избавиться от советской власти.

5. Поплавскую Раису Леонидовну, служившую у консула в качестве сотрудницы. Собиралась ехать во Францию для предупреждения Клемансо о том, что из России выезжает инкогнито группа коммунистов с агитационными целями. При обыске найдены шифрованные записки на имя представителей Антанты в Константинополе. Об остальных лицах, связанных с этой организацией, продолжается вестись следствие».

Приговор этот сопровождался рядом статей Льва Крайнего и других чекистов.

На днях Пирро печатно заявил в Риге, что объявленные расстрелянными по его делу лица в действительности расстреляны не были и лишь отправлены на север.

В этом заявлении Пирро, как это ни странно, есть маленькая доля правды. Из пяти официально упомянутых лиц, только четыре было расстреляно, а одно лицо осталось в живых. И этим лицом оказался, конечно, сам Пирро. Чрезвычайка только для пущего эффекта упомянула его имя в числе расстрелянных, но своего агента, конечно, пощадила. В Киеве было лишь закрыто бразильское консульство, якобы за «расстрелом консула», но сам негодяй-провокаатор Альберт Пирро продолжал разгуливать по Киеву в неизменном цилиндре и с сигарой в зубах.

Вскоре добровольцы заняли Киев, и до их прихода большевики покинули город. Исчез с ними и Альберт Пирро. Но вскоре он снова выплыл – уже в Сибири – и снова продолжал свою подлую провокационную работу уже в качестве датско-голландского консула Гофмана. Об этом – завтра.

7.

Пирро в Сибири. – Афера с концертом Шаляпина. – Пирро под видом датско-голландского консула Гофмана. – Повторение киевской кровавой провокации. – Новые жертвы. – Появление Пирро в Риге.

В одном из предыдущих очерков мы приводили уже заявление Пирро, сделанное им в Киеве находящемуся ныне в Риге латышу К., что он, бразильский консул Пирро, уже все «выжал» в Киеве и собирается на Урал, где можно хорошо заработать на богатых заводчиках.

Не знаем, куда направил свои стопы Пирро из Киева, который он оставил вместе с большевиками в конце августа 1919 года. Возможно, что он побывал и на Урале и там достаточно «выжал» не только денег, но и крови невинных жертв своей провокацией.

В своих нынешних якобы «покаянных» очерках Пирро упоминает о своем пребывании в Сибири и на Дальнем Востоке. И в этом тоже есть доля правды.

Как нам сообщает редактор одной из крупнейших рижских, латышских газет А., еще в конце 1917 года, вскоре после октябрьской революции, Пирро прибыл в Иркутск. Он был в походной офицерской форме и на его груди красовалось много знаков отличия и орденов. Пирро быстро втерся в местные общественные и политические круги и стал принимать участие в выходившей в Иркутске газете «Свободный Край». Мирная газетная работа продолжалась недолго. В Пирро заговорил жулик, и он при помощи газеты выкинул очередную уголовную аферу. Как рассказывает редактор А., Пирро объявил в Иркутске о предстоящем концерте Шаляпина и открыл предварительную подписку на билеты. Нашлось немало доверчивых лиц, внесших Альберту Пирро довольно значительную сумму денег. Само собой разумеется, что Шаляпин и не предполагал приезжать в Иркутск, а Пирро с собранными деньгами скрылся из Иркутска.

Через два года, при большевиках, Пирро снова появился в Сибири, но уже в новой роли. Это не был ни либеральный журналист, ни украшенный орденами заслуженный воин. Это был иностранец, видный «дипломат», датско-голландский консул Гофман. И под видом этого Гофмана Альберт Пирро снова, как по нотам, повторил разыгранную им незадолго до этого в Киеве кровавую роль бразильского консула.

Надо вообще отметить, что во исполнение приводившегося уже нами циркуляра Дзержинского о создании фиктивных международных заговоров, чекисты в разных пунктах с небольшими вариациями создавали при помощи своих агентов те или иные нейтральные «консульства». Так возникали норвежская, датская, аргентинская, шведская и т.п. консульства. И везде,

под видом консулов, орудовали агенты чека. И везде оставляли кровавые следы в виде многочисленных замученных, погубленных и расстрелянных.

И когда в Омске, занятом большевиками после Колчака, возникала необходимость «выловить» скрывавшихся колчаковских офицеров и «контрреволюционно» настроенную буржуазию, то по готовому уже рецепту инсценировано было датско-голландское консульство, и на роль консула приглашен был, конечно, так блестяще выполнивший свою подлую задачу в Киеве все тот же Альберт Пирро.

Бывший колчаковский офицер А., ныне находящийся в Эстонии (полная фамилия и адрес его известны редакции «Сегодня»), сообщает нам подробности подлой провокационной деятельности Пирро в Омске. Ознакомив Пирро по помещенному в «Сегодня» портрету, А. категорически утверждает, что омский консул Гофман, бразильский консул Альберт Пирро и ныне «кающийся» бывший комиссар Пирро, – одно и то же лицо.

Как рассказывает А., в конце декабря 1919 года, в омских большевистских газетах появились объявления о приезде датско-голландского консула Гофмана, который берет на себя защиту всех иностранцев на территории Сибири и производит регистрацию лиц, желающих перейти в иностранное подданство. Для консульства был отведен приличный особняк на берегу Омки. И в этом особняке повторялось все то, что проделано уже было в Киеве. Любезные приемы, откровенные контрреволюционные разговоры, слежка чекистов за посетителями консульства, неизбежные обыски и аресты, неопровержимые улики в виде донесения «консула» Гофмана в чека и неизбежные расстрелы.

В Омске Гофман (он же Альберт Пирро) специализировался, главным образом, на вылавливании бывших колчаковских офицеров. Всем приходившим к нему Гофман демонстрировал приказ реввоенсовета, согласно которому от воинской повинности и всякого рода мобилизаций освобождались все, зарегистрировавшиеся у него, консула Гофмана, иностранцы. Нечего и говорить, что такого рода легальный способ избежать службы в Красной армии привлекал большое количество бывших офицеров.

Попутно Пирро-Гофман не упускал случая «выжать». Он заявлял, что берет на себя и защиту ценного имущества всех желающих. Доверчивые люди потянулись к нему с тюками ценных вещей, которые сдавались в консульство по особой описи в двух экземплярах, из которых один оставался у консула, а другой с его пометкой возвращался к владельцу ценностей. Вещей и ценных товаров собралось у «консула» Гофмана так много, что чекисты должны были ему отвести еще один особняк с большими складочными помещениями, якобы пользовавшимися экстерриториальностью.

Так продолжалось до Пасхи 1920 г. Благодаря предательству и провокации Пирро-Гофмана в Омске погибло немало невинных людей, «экстер-

риториальные» склады действительно «выжали» все ценное имущество наивных обывателей. Пора было кончать кровавую комедию с консульством. До этого момента в точности повторялась киевская история бразильского консульства, но в финал находчивые чекисты внесли маленькое видоизменение.

В Киеве деятельность Пирро была закончена официальным, но все же живым, сообщением о расстреле бразильского консула. А в Омске чека объявила консула Пирро-Гофмана «арестованным» и отправленным якобы в Москву. Все собранное консульское имущество было конфисковано, а всем тем лицам, которые приходили в соприкосновение с консулом Гофманом и еще не были расстреляны, предъявлено было обвинение в сношениях с представителем «капиталистического» государства с целью дискредитирования сов. власти и уклонения от обязанностей, возложенных на обывателей сов. декретами.

Пирро-Гофман, действительно, исчез из Омска и, как уже известно, появился в 1921 году в Латвии.

Здесь опять началась серия уголовных преступлений. Для любого человека все эти аферы, вымогательства, кражи, присвоения имущества и тому подобные действия были бы очень серьезным и тяжким уголовным преступлением. Но когда вспоминаешь кровавую провокационную работу Пирро, повлекшую за собой столько невинных жертв, вся эта уголовщина как-то совершенно тускнеет.

Поэтому не станем останавливаться на уголовной деятельности Пирро в Латвии, а затем и в Литве, хотя в этом отношении в нашем распоряжении имеется много проверенных материалов.

Агроном Митавского уезда О. К., обучавшийся вместе с Пирро еще в Ново-Гульбенском двухклассном училище, сообщает нам, что уже в первые школьные годы Пирро обнаруживал исключительные уголовные наклонности. Этот же О. К. имел несчастье сталкиваться со своим школьным «товарищем» и в последующие годы. Так, до войны и О. К., и Альберт Пирро работали в рижской латышской газете «Ригаз Авизас», откуда Пирро скоро был изгнан за очередное мошенничество. Какой-то переводной английский роман он выдал за собственное произведение, получил за это гонорар, но вскоре был уличен в плагиате. Встречался О. К. с Пирро в Риге и в 1921 году, где этот негодяй выдавал себя за сотрудника американской организации «АРА». В Риге Пирро попал в тюрьму, откуда лишь недавно вышел.

Много интересного материала об уголовных похождениях и аферах Пирро сообщают нам и другие лица. Но все это, повторяем, бледнеет перед ужасами провокаторской и предательской деятельности в Киеве и Омске, и в одних ли этих двух городах? Предательство, организованное чека, и кровь, кровь, кровь...

Содержание

Предисловие.	3
Я раскаиваюсь и проклинаю! Записки бывшего комиссара А. Пирро	7
Приложение 1. Газетная кампания вокруг Пирро и его «Записок»	56
Приложение 2. <i>Л. Л-а.</i> Очерки жизни в Киеве в 1919–1920 гг.	63
Приложение 3. <i>Старый Киевлянин.</i> Правда о провокаторе-чекисте Пирро (По неопубликованным данным).	70

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.